

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Плата за годовое изданіе для иногородныхъ необязательныхъ подписчиковъ—7 р. 80 к.; на 6 мѣсяцевъ—4 р. 40 к.; на 3 мѣс.—2 р. 80 к.; на 1 мѣс. 1 р. 80 коп.

Для всѣхъ остальныхъ подписчиковъ: на годъ—7 р.; на 6 мѣс.—4 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—1 р.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Подписка принимается въ Ташкентѣ въ конторѣ редакціи.

Редакція и ея контора помѣщаются въ д. Золотова, проспектъ Обуха.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 9 до 3 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ съ 9½ до 11 час. утра.

ВЫХОДЯТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 1300

1-й № „ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ ВЫШЕЛЪ 28 АПРѢЛЯ 1870 ГОДА.

ЦѢНА на „Туркестанскую Туземную Газету“, издаваемую еженедѣльно на сартовскомъ нарѣчій съ русскимъ переводомъ,—3 р. 80 к. съ пересылкой во всѣ города Имперіи, а для жителей Ташкента—3 р. съ доставкой.

Г.г. подписчиковъ на „Туземную Газету“ просятъ обращаться съ своими требованіями и заявленіями въ редакцію „Туземной Газеты“, въ Ташкентѣ, къ директору Ташкентской мужской гимназіи Н. П. Остроумову.

Плата за казенныя и частныя объявленія взимается въ размѣрѣ: со строчки мелкаго шрифта въ одномъ столбцѣ: при печатаніи одинъ разъ—10 коп., два раза—по 9 к. за строчку, выше же двухъ разъ—по 8 к. за каждый разъ. При употребленіи крупныхъ и фигурныхъ шрифтовъ, а также рамокъ, украшеній и полициажей и при допущеніи пробѣловъ, плата взимается за мѣсто по расчету на мелкій шрифтъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. плата взимается по 1½ коп. съ лота вѣса каждаго экземпляра.

Редакція убѣдительно проситъ казенныя учрежденія сдавать деньги за напечатаніе объявленій въ мѣстныя казначейства въ доходъ казны по V отдѣлу § 20 ст. 14 текущей смѣты доходовъ Главнаго Интендантскаго Управленія.

28 августа (9 сентября) 1894 г.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

№ 62.

ОЧЕРКИ БЫТА КАРАКИРГИЗОВЪ.

(Изъ путевого дневника).

I.

УБИЙСТВО БОКУ ЧАЛКАДЫКОВА.

Въхавшій со мной, въ качествѣ проводника, уѣздный джигитъ киргизъ Орумбай, по обыкновенію, остановился поговорить со встрѣчными киргизами. Поговорить, узнать, кто, куда и зачѣмъ ѣдетъ, подѣлиться новостями—общая страсть киргизъ. Однако, новость должно быть очень интересная, такъ какъ они что-то ужъ очень оживленно и долго разговариваютъ. Въ ожиданіи возвращенія джигита, останавливаю лошадь, слѣзаю съ нея и съ наслажденіемъ смачиваю голову прохладной водой Иссыкъ-куля. Видъ озера съ окружающими его снѣговыми громадами горъ и на берегу группа киргизъ въ разноцвѣтныхъ халатахъ до того живописны, что я, чуть-ли не въ десятый разъ въ этотъ день, вытаскиваю альбомъ и принимаюсь за этюдъ. Только-что успѣлъ я сдѣлать карандашный набросокъ, какъ вижу, что всѣ киргизы, предводительствуемые Орумбаемъ, направляются въ мою сторону, и еще издали джигитъ кричитъ мнѣ:

—„Бай! большая новость, джанджалъ! Боку убили!“.

Въ наивной простотѣ своей, ему кажется, что я непременно долженъ знать какого-то Боку.

Подъѣхавшіе киргизы слѣзли съ лошадей и, отвѣсивъ мнѣ почтительный кульдукъ (поклонъ), по очереди поздоровались со мною за руку. Пригласивъ ихъ сѣсть, я обратился къ старшему изъ нихъ:

„Ну, бабай, говори, какого киргиза убили и въ чемъ дѣло?“.

—Я не былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убили человека, а потому ничего достовѣрнаго не знаю, слышалъ отъ нихъ—указываетъ онъ на остальныхъ киргизъ—что зарѣзали Боку, а какъ и за что не знаю,—политично увертывается старикъ.

Обращаюсь къ другому, третьему,—оказывается, никто ничего не знаетъ.

—„Бай, они васъ боятся, поэтому ничего

не говорятъ,—вмѣшивается джигитъ.

Кое-какъ удалось мнѣ убѣдить киргизъ, что я не начальникъ, что ѣду не по казеннымъ, а по своимъ дѣламъ, и что если и интересуюсь убійствомъ, то только изъ простаго любопытства. Въ концѣ концовъ киргизы разговорились и вотъ что узналъ я отъ нихъ:

Каракиргизъ Боку Чалкадыковъ, человекъ лѣтъ подъ тридцать, отличался атлетическимъ сложеніемъ, большою физическою силою и крайнею необузданностью нрава. Несмотря на богатую родню, которую онъ безсовѣстно обиралъ, Боку вѣчно нуждался въ деньгахъ и въ скотѣ. У Боку былъ троюродный братъ Бусурманъ Кенембаевъ, трудолюбивъ и бережливостью составившій себѣ порядочное состояніе. Богатство Бусурмана не давало покоя Боку, а потому, какъ только онъ чувствовалъ въ чемъ нибудь недостатокъ, обращался къ Бусурману, грозя, въ случаѣ отказа, убить его. Получивши отъ брата скотъ, на примѣръ, онъ продавалъ его за безцѣнокъ и на вырученные деньги отправлялся кутить въ ближайшій уѣздный городъ, гдѣ, въ кампаніи веселыхъ женщинъ не только пилъ пиво, но и запрещенныя кораномъ водку и вино. Прокутившись, онъ снова обращался къ брату. Зная Боку за человека отчаяннаго, ни на минуту не задумавшагося бы надъ исполненіемъ своей угрозы, Бусурманъ вынужденъ былъ удовлетворять его требованія. Нѣсколько разъ обращался Бусурманъ съ жалобами на брата къ мѣстной администраціи, но та, не имѣя противъ него достаточныхъ уликъ, ничего не могла сдѣлать. Боку же, видя, что Бусурманъ его боится и что жалобы его остаются безъ послѣдствій, день-ото-дня дѣлался все безсовѣстнѣе и нахальнѣе въ своихъ требованіяхъ и, наконецъ, дошелъ до того, что наканунѣ отправки Бусурмана со всѣмъ семействомъ въ горы на лѣтовку, явился къ нему въ аулъ и потребовалъ выдачи ему любимой жены Бусурмана, молодой и хорошенькой киргизки Кара-Юзъ.

Какъ ни убѣждалъ его Бусурманъ, предлагалъ даже, взамѣнъ жены, любимаго своего коня—сѣраго иноходца, Боку стоялъ на своемъ и уѣхалъ къ себѣ въ аулъ, объ-

явивъ брату, что если онъ завтра утромъ не привезетъ Кара-Юзъ къ Талды-булакскому ущелью, черезъ которое пролегаль путь на лѣтовку, то убьетъ его. Выведенный изъ терпѣнія нахальствомъ и безсовѣстностью брата и не видя конца его требованіямъ, Бусурманъ рѣшилъ разъ навсегда избавиться отъ него. На другой день, рано утромъ, собравъ человѣкъ восемь джигитовъ, большею частью своихъ родственниковъ, и уговорившись съ ними, Бусурманъ выѣхалъ къ Талды-булакскому ущелью. Семейство и скотъ его слѣдовали за нимъ. При входѣ въ ущелье они увидѣли Боку и двухъ его товарищей киргизъ, сидящими около горнаго ручья. Лошади ихъ паслись тутъ же. Подъѣхавъ къ Боку, Бусурманъ слѣзъ съ лошади и, подойдя къ нему, сталъ снова его уговаривать отказаться отъ Кара-Юзъ и взять, взамѣнъ ея, иноходца. Какъ бы для большаго убѣжденія, Бусурманъ, стоя съ правой стороны Боку, лѣвой рукой обнялъ его. Когда же Боку снова отказался, Бусурманъ, обхвативъ лѣвой рукой шею Боку, нагнулъ его назадъ, а правой рукой, выхвативъ изъ-подъ халата заранѣе приготовленный большой андижанскій ножъ, со всего размаха воткнулъ его въ животъ Боку. Это послужило сигналомъ для товарищей Бусурмана. Выхвативъ небольшіе ножи (пшакъ), носимые киргизами на поясѣ, они начали безпощадно колоть ими Боку. Джигиты Боку, боясь, чтобы и имъ не досталось, вскочили на лошадей и ускакали. Всего нанесено было Боку 52 раны (нѣкоторыя изъ нихъ уже послѣ его смерти), животъ распоротъ, а лицо изувѣчено до неузнаваемости. Бусурманъ, убивъ брата, поѣхалъ въ уѣздный городъ сообщить начальству, что Боку напалъ на него съ цѣлью грабежа и онъ въ схваткѣ нечаянно его убилъ. Джигиты Бусурмана, увидѣвъ его убѣгающимъ и предполагая, что онъ теперь будетъ скрываться въ горахъ, набросились на его имущество и ограбили его до послѣдней кошомки, оставивъ лишь несчастныхъ женъ его тутъ же на дорогѣ.

Къ вечеру пріѣхалъ я на станцію Чокталъ по иссыкъ-кульскому почтовому тракту. Часа въ 4 утра просыпаюсь, зову джигита. Его нигдѣ не могутъ найти. Оказы-

вается, что какъ только я легъ спать, онъ умчался по дорогѣ къ станціи Кумбель или, какъ она официально называется, Чулпанъ-ата, въ 10 вѣстахъ отъ которой произошло убійство. Запыленный, съ воспаленными отъ бессонницы глазами, на совершенно взмыленной и измученой лошади прискакалъ назадъ мой Орумбайка часовъ въ пять.

—Гдѣ это ты пропадалъ всю ночь и какъ смѣешь ты такъ мучить чужихъ лошадей? —(ѣхалъ онъ на перемѣнныхъ киргизскихъ лошадяхъ), набрасываюсь я на него, но Орумбай не даетъ мнѣ договорить и восторженно восклицаетъ:

—„Бай, видѣлъ Боку: совсѣмъ распухъ, воняетъ. Ночью на Кумбель пріѣхалъ докторъ и слѣдователь, сегодня будутъ рѣзать Боку. Бай, пожалуйста, ѣдемъ туда скорѣе?“

Присутствовать при анатомированіи для меня не было никакого интереса, мѣстность же между станціями Чокталъ и Кумбель представляла столько занимательнаго, какъ въ археологическомъ, такъ и въ естественно-историческомъ отношеніи, что я рѣшилъ посвятить на изслѣдованіе ея весь этотъ день. Такимъ рѣшеніемъ я сильно опечалилъ Орумбая. На какія только хитрости онъ не пускался, чтобы убѣдить меня ѣхать скорѣе къ мѣсту убійства! Наконецъ, видя, что ничего не дѣйствуетъ, приводитъ онъ ко мнѣ двухъ киргизъ, которые сообщаютъ, что около станціи Кумбель умеръ какой-то дальній, чуть-ли не въ седьмомъ колѣнѣ родства, братъ Орумбая, а потому они убѣдительно просятъ меня отпустить джигита на одинъ день. При этомъ Орумбайка корчитъ такую печальную физиономію, что я едва удерживаюсь отъ смѣха и, хотя и сознаю, что вся исторія со смертию брата выдумана, но Орумбай въ этотъ день до того надоѣлъ мнѣ, что я отпускаю его, условившись, чтобы онъ дожидался меня на томъ самомъ мѣстѣ, откуда начнется байга, которая, какъ мнѣ сказали киргизы, должна состояться завтра часовъ въ десять утра, послѣ похоронъ Боку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Плата за годовое изданіе для иногородныхъ необязательныхъ подписчиковъ—7 р. 80 к.; на 6 мѣсяцевъ—4 р. 40 к.; на 3 мѣс.—2 р. 80 к.; на 1 мѣс. 1 р. 30 коп.

Для всѣхъ остальныхъ подписчиковъ: на годъ—7 р.; на 6 мѣс.—4 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—1 р.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Подписка принимается въ Ташкентѣ въ конторѣ редакціи.

Редакція и ея контора помѣщаются на Иканской ул., рядомъ съ домомъ доктора Эрепа.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 9 до 3 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ съ 9½ до 11 час. утра.

ВЫХОДЯТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 1302

1-й № „ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ ВЫШЕЛЪ 28 АПРѢЛЯ 1870 ГОДА.

ЦѢНА на „Туркестанскую Туземную Газету“, издаваемую еженедѣльно на сартовскомъ нарѣчій съ русскимъ переводомъ,—3 р. 80 к. съ пересылкой во всѣ города Имперіи, а для жителей Ташкента—3 р. съ доставкой.

Г.г. подписчиковъ на „Туземную Газету“ просятъ обращаться съ своими требованіями и заявленіями въ редакцію „Туземной Газеты“, въ Ташкентѣ, къ директору Ташкентской мужской гимназіи Н. П. Остроумову.

Плата за казенныя и частныя объявленія взимается въ размѣрѣ: со строчки мелкаго шрифта въ одномъ столбцѣ: при печатаніи одинъ разъ—10 коп., два раза—по 9 к. за строчку, выше же двухъ разъ—по 8 к. за каждый разъ. При употребленіи крупныхъ и фигурныхъ шрифтовъ, а также рамокъ, украшеній и полигонажей и при допущеніи пробѣловъ, плата взимается за мѣсто по расчету на мелкій шрифтъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. плата взимается по 1½ коп. съ лота вѣса каждаго экземпляра.

Редакція убѣдительно проситъ казенныя учрежденія сдавать деньги за напечатаніе объявленій въ мѣстныя казначейства въ доходъ казны по V отдѣлу § 20 ст. 14 текущей смѣты доходовъ Главнаго Интендантскаго Управленія.

ОЧЕРКИ БЫТА КАРАКИРГИЗОВЪ.

(Изъ путевого дневника).

(Окончаніе *).

II. ПОХОРОНЫ БОКУ.

Роскошная картина предстала предо мной, когда на другой день я подъѣхалъ къ мѣсту, предназначенному для байги. Громадныя предгорья сѣвернаго Алатау живописными скалами изъ краснаго, мѣстами почернѣвшаго отъ времени, песчаника подходятъ почти къ самому берегу Иссыкъ-куля, оставляя узкую полосу земли, покрытую ярко-зеленой свѣжей травой, по которой кое-гдѣ разбросаны юрты перекочевывавшихъ киргизъ. Спокойная поверхность озера, какъ въ зеркалѣ, отражала въ себѣ снѣговыя вершины противоположнаго, южнаго Алатаускаго хребта. Бѣлая съ черными головками морскія чайки съ рѣзкимъ крикомъ, похожимъ то на плачъ ребенка, то на мяуканье кошки, безпокойно летали около берега. Громадные грифы и орлы-рыболовы плавными кругами высоко-высоко парили въ воздухѣ. Громадная, человѣкъ въ 700, толпа киргизъ, въ яркихъ разноцвѣтныхъ праздничныхъ халатахъ, дополняла и оживляла эту картину. Гулъ отъ говора, споровъ и рѣзкихъ призывныхъ криковъ слышался за добрую версту и глухимъ эхомъ разносился по ближайшимъ ущельямъ. На высокомъ бугрѣ, по которому длинной бѣлой лентой пролегла почтовая дорога, живописно выдѣлялась небольшая группа почетныхъ киргизъ. Послѣдніе при моемъ приближеніи сѣли на лошадей и, предводительствуемые Орумбаемъ, поѣхали ко мнѣ на встрѣчу. Шаговъ за сорокъ они слѣзли съ лошадей и, передавъ поводъ сопровождавшимъ ихъ джигитамъ, выстроились вдоль дороги въ одну линію; во главѣ ихъ стоялъ толстый-претолстый киргизъ съ ярко вычищеннымъ значкомъ волостного управителя на груди. Когда я подъѣхалъ, всѣ они отвѣсили почтительнѣйшій кулдукъ, а волостной по-

очереди отрекомендовалъ мнѣ остальныхъ. Былъ тутъ и старый волостной, и бій, и аульные старшины и просто почетныя лица. Послѣ представленія, волостной приподнесъ мнѣ большую чашку съ прекраснымъ кумысомъ. Покуда я пилъ кумысъ, киргизы сѣли снова на лошадей. Напившись, я передаю чашку волостному и, по киргизскому этикету, прошу его пить кумысъ. Волостной видимо просіялъ, но, выпивъ самъ, противъ обыкновенія, не передалъ чашку другимъ. Такая торжественность встрѣчи невольно удивили меня. „Навѣрное Орумбайка выкинулъ опять какой нибудь фокусъ“ — промелькнуло у меня въ головѣ. Когда я въ сопровожденіи почетныхъ лицъ двинулся дальше, то волостной попросилъ у меня разрѣшенія приступить къ похоронамъ Боку.

—Какъ, развѣ его еще не похоронили!? —обращаюсь я къ Орумбаю, преважно ѣдущему рядомъ со мной на прекрасномъ гнѣдомѣ иноходцѣ.

—„Нѣтъ, бай, я приказалъ дожидаться васъ“.

Не мѣсто было раснекать его, а потому, отложивъ это до болѣе удобнаго времени, я поспѣшилъ дать разрѣшеніе приступить къ похоронамъ, при чемъ попросилъ позволенія присутствовать на нихъ въ качествѣ зрителя, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы меня нисколько не стѣснялись и совершали обрядъ по всѣмъ правиламъ ихъ обычая.

Дорогой нѣсколько разъ долетали до моихъ ушей шепотомъ передаваемыя подъѣзжающимъ киргизамъ слова: „урусъ дженералъ“. Тутъ-то я и догадался о причинѣ такой торжественной встрѣчи.

„Это ты произвелъ меня въ генералы? —обращаюсь я по русски къ Орумбаю — зачѣмъ?“

—„Да, я, бай, боялся, чтобы они не начали похоронъ безъ васъ“ —оправдывается онъ.

И опять-таки вижу, что онъ вретъ. Произвелъ онъ меня въ генералы, да произвелъ бы и въ генералъ-фельдмаршалы, если бы зналъ о существованіи такого званія, не столько изъ желанія возвеличить меня, сколько изъ личнаго тщеславія и хвастовства: знайте, молъ, вы, простые смерт-

*) См. № 62.

ные киргизы, какую важную персону представили на мое, Орумбайкино, попечение!

Хвастливость эта присуща почти всѣмъ служащимъ въ уѣздныхъ управленіяхъ джиги-тамъ, даваемымъ начальствомъ для сопрово-жденія путешественниковъ. И если бы вамъ вздумалось разубѣждать киргизъ въ томъ, что вы вовсе не генералъ, а какой нибудь ничтожный поручикъ, то и тутъ джигитъ не потеряется и станетъ увѣрять киргизъ, что это вы изъ скромности или съ какой нибудь другою цѣлью скрываете свое званіе. Между тѣмъ такое возвеличеніе, не говоря уже о безтактности его, нерѣдко ставитъ путешественника, ѣхавшаго верхомъ цѣ-лый день по крайне утомительнымъ доро-гамъ, въ ужасно непріятное положеніе: мечтаешь лишь о томъ, какъ бы поскорѣе лечь спать, а тутъ изволь дожидаться, другой разъ даже до 12 часовъ ночи, пока сва-рятъ барана, зарѣзаннаго въ честь прибы-тія важной персоны; отказаться же отъ угощенія нельзя, иначе кровно обидишь и хозяина юрты, и весь аулъ, въ которомъ остановился, и, мало того, прослывешь за круглою невѣжу.

По мѣрѣ приближенія моего къ юртѣ, въ которой лежалъ покойникъ, все яснѣе и громче раздавались плачь и причитанія женщинъ, издали походившіе на дикій вой. Подѣхавъ къ юртѣ, я попросилъ позво-литель войти въ нее. Картина, представив-шаяся моимъ глазамъ, была до того ори-гинальна, что я искренно пожалѣлъ, что не имѣлъ съ собой моментальнаго фотографи-ческаго аппарата. Ситцевой занавѣской юр-та была раздѣлена на двѣ неравныя части. Въ лѣвой отъ входа, меньшей, части, лежалъ на землѣ покойникъ; надъ нимъ насыпанъ былъ большой песчаный холмъ, непре-рывно поливаемый водой, чтобы тѣмъ хотя немного предотвратить разложеніе трупа. Въ правой, большей, половинѣ юрты на разостланныхъ кошмахъ и одѣялахъ, всѣ въ одной позѣ, сидѣли по крайней мѣ-рѣ двадцать женщинъ, большею частью ста-рухъ. Слегка задравъ голову назадъ*), онѣ причитали, или вѣрнѣе завывали какую-то

безконечно монотонную погребальную пѣсню, по временамъ испуская пронзительный ди-кій вопль. Женщины эти—всѣ вдовы и на-зываются у каракиргизъ „іелаукер-хатын“ (плакальщицы). Узнавъ о чьей либо смерти, онѣ, по приглашенію или сами, являются въ аулъ, гдѣ находится покойникъ, и пред-лагаютъ свои услуги въ качествѣ плакаль-щицъ, за что получаютъ какой нибудь не-значительный подарокъ и угощеніе. Боль-шею же частію это безкорыстные любитель-ницы своего дѣла.

Въ противоположной отъ входа сторонѣ юрты на разостланномъ коврикѣ сидѣли на колѣняхъ три молодыхъ женщины: двѣ же-ны покойника и сестра его. Всѣ онѣ имѣ-ли страшный видъ: распущенные черные, какъ смоль, волосы клочьями торчали въ разныя стороны, на макушкѣ головы они прикрыты были у женъ—небольшимъ чер-нымъ платкомъ, у сестры—бѣлымъ. Надѣ-тые на нихъ шелковые халаты и бѣлыя ру-башки были спереди разодраны до половины живота; ихъ лица и груди были изцарапа-ны ногтями. Залекшаяся черными струйка-ми кровь придавала имъ еще болѣе ужа-сный видъ. Дико и безмысленно уставивъ глаза въ пространство, покачиваются эти три женщины корпусомъ въ разныя сто-роны; повременамъ онѣ неистово царапаютъ ногтями кожу на лицѣ и рукахъ и издаютъ дикіе, нечеловѣческіе вопли. И чѣмъ боль-ше изуродуетъ себя жена покойника, тѣмъ больше доказательства ея любви къ не-му. Нужно имѣть воловьи нервы, чтобы спо-койно наблюдать эту картину. Къ тому же зловоніе отъ лежащаго тутъ же разлагаю-щагося трупа было до того сильно, что я не могъ пробыть въ юртѣ и пяти минутъ. Надо сказать, что при моемъ входѣ въ юр-ту всѣ женщины сразу смолкли, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ съ явной враждебно-стью посмотрѣли на меня. Но успокоенныя волостнымъ, не входившимъ, однако, въ юр-ту, онѣ продолжали свои причитанія.

Выйдя изъ юрты и усѣвшись противъ та подъ себя, правая согнута въ колѣнѣ; на него упирается локтемъ правая рука, на ладонь которой положена правая щека.

*) Поза ихъ была слѣдующая: лѣвая нога поджа-

входа въ нее шагахъ въ пятнадцать на большой связкѣ маты *), предназначенной въ видѣ вознагражденія муллѣ за совершеніе обряда похоронъ, я попросилъ волостнаго приступить къ нимъ. Началось обмываніе трупа. Трупъ обмывается обыкновенно подогрѣтой водой; затѣмъ его вытираютъ кусками маты, которая поступаетъ въ пользу обмывавшихъ трупъ. Обмываніе производятъ бѣдняки. Отъ богатства покойнаго или его родственниковъ зависитъ число человѣкъ, совершающихъ обрядъ обмыванія, но ни въ какомъ случаѣ оно не бываетъ меньше трехъ и болѣе девяти человѣкъ. Въ данномъ случаѣ пять человѣкъ самыхъ бѣдныхъ киргизъ, обвязавъ предварительно носъ и ротъ кусками маты, чтобы тѣмъ хотя немного предохранить себя отъ зловонія разлагающагося трупа, вошли въ лѣвую половину юрты и, раскопавъ бугоръ, прикрывавшій трупъ, вынули послѣдній оттуда и изъ нѣсколькихъ кунгановъ**) вылили на него теплую воду; затѣмъ, наскоро вытерѣвъ его, начали обвертывать матою. Обвертываніе начинается съ головы, причемъ руки покойника вытягиваются вдоль тѣла. Количество маты, идущей на обвертываніе, одинаково какъ для богатаго, такъ и для бѣднаго человѣка, а именно употребляется пять кусковъ маты, каждый кусокъ по восьми аршинъ длиною,—всего значитъ идетъ 40 аршинъ. Мата тщательно обертывается вокругъ тѣла и покойникъ выглядитъ, какъ запеленутый ребенокъ. Сверхъ маты, тѣло Боку обернули въ новую, расшитую красными узорами, черную кошму и въ такомъ видѣ положили на внесенныя въ юрту носилки. Послѣднія дѣлаются изъ карагачеваго или арчеваго лѣса и состоятъ изъ двухъ длинныхъ палокъ, связанныхъ тремя перемычинами; къ нижней сторонѣ, въ углахъ связокъ, придѣлываются шесть короткихъ ножекъ.

Во время обмыванія и пеленанія трупа

*) Мата—простая хлопчатобумажная матерія кремоваго цвѣта.

**) Кунганъ—мѣдный или желѣзный кувшинъ для кипяченія воды.

женщины находились въ юртѣ. Противъ же входа въ нея полукругомъ усѣлись на колѣни человѣкъ десять, знающихъ грамоту бѣдняковъ-киргизъ. Настоящаго муллы, за неимѣніемъ его въ ближайшихъ окрестностяхъ, на похоронахъ не было. Исправлялъ его должность одинъ изъ болѣе грамотныхъ пожилыхъ киргизъ. Привязавъ къ поводу первой понавшейся лошади длинный новый арканъ, онъ съ другимъ концомъ его въ рукахъ подходилъ поочередно, слѣва направо, къ каждому изъ сидѣвшихъ противъ юрты грамотныхъ бѣдняковъ и, сунувъ въ руку ему конецъ аркана и держась самъ за него одной рукой, а другой указывая на юрту, спрашивалъ: „принимаешь-ли ты грѣхъ покойника въ несоблюденіи имъ пяти молитвъ?“. Всѣ отвѣчали утвердительно, тѣмъ болѣе, что такое согласіе, какъ я узналъ впоследствии, ни къ чему не обязываетъ; за исполненіе же этого обряда, называемаго „дауръ“, получается какой нибудь незначительный подарокъ. Обойдя такимъ образомъ всѣхъ сидѣвшихъ противъ юрты бѣдняковъ, мулла, поднявъ руки къ небу, воскликнулъ: „Алла акбар, рахмет килсын! (Богъ великъ, да помилуетъ онъ)“ и бросилъ арканъ въ сторону. По окончаніи этой церемоніи всѣ, участвовавшіе въ ней, встали со своихъ мѣстъ и, уступивъ ихъ вышедшимъ изъ юрты женщинамъ, расположились за ними. Какъ только жены и родственницы покойника и плакальщицы сѣли, вынесли изъ юрты, впередъ ногами, покойника. При этомъ поднялся такой невыносимый гвалтъ, такая суета, что человѣку непривычному стало бы даже жутко. Женщины пришли въ сильный экстазъ и, въ порывѣ его, не только жены и родственницы, но и постороннія начинали издавать дикіе крики и въ изступленіи рвать ногтями лица и груди. Старухи киргизки—однѣ насильно сдерживаютъ руки изступленнымъ женщинамъ, другія съ чайными чашечками въ рукахъ обрызгиваютъ ихъ водой. Плакальщицы повышаютъ голосъ до самыхъ высокихъ визгливыхъ нотъ; мулла выкрикиваетъ молитву; грамотные киргизы, на разные голоса, повторяютъ ее

за нимъ. Киргизы толпой тѣсняются къ носилкамъ: каждый изъ нихъ хочетъ нести покойника. Остальные разбираютъ своихъ лошадей; испуганныя суетой и шумомъ, лошади горячатся и вырываются изъ рукъ. Раздаются крики и ругательства,—ругательства, по своему смыслу, далеко перещенного, бывшія нами простонародныя чисто русскія и ни въ какомъ случаѣ же не подходившія къ мѣсту дѣйствія. Но никто изъ присутствующихъ не возмущился ими,—очевидно, это никого изъ нихъ не оскорбляло.

Наконецъ, все успокаивается. Похоронная процессія направляется къ ближайшему открытому мѣсту (пригорку). Впереди идетъ мулла съ грамотными киргизами, за нимъ несутъ скорымъ шагомъ покойника, за послѣднимъ пѣшкомъ и верхомъ движутся родственники и посторонніе. Всѣ женщины остаются у юртъ и какъ въ процессіи, такъ и при зарываніи трупа въ могилу не участвуютъ. Взойдя на пригорокъ, ставятъ на него носилки съ покойникомъ и мулла снова читаетъ молитву, которая называется „даур-уйлантырады“. Послѣ нея процессія двигается уже прямо къ могилѣ.

Воспользовавшись тѣмъ, что покойника несутъ пѣшіе, я даю нагайку своему коню и мчусь къ могилѣ, чтобы успѣть тщательно осмотрѣть ея устройство. Устраивается она такимъ образомъ: сначала вырывается круглая яма глубиною аршина въ полтора, а въ діаметрѣ немного болѣе; съ западной стороны ея, черезъ круглое отверстіе не болѣе аршина ширины, вырывается въглубь другая яма, имѣющая высоту и ширину около двухъ аршинъ и длину, по направленію съ сѣвера на югъ, съ небольшимъ сажень. Дѣлается эта яма съ такимъ расчетомъ, чтобы слой земли надъ нею не былъ тоньше аршина. Вырываютъ могилу обыкновенно недалеко отъ воды и большой проѣзжей дороги. Любимыми мѣстами для погребенія служатъ древніе курганы. У нѣкоторыхъ зажиточныхъ киргизъ есть свои излюбленныя мѣста для погребенія, нерѣдко отстоящія отъ мѣста ихъ жительства на цѣлыя сотни верстъ. Въ такомъ случаѣ покойника, сверхъ маты, заворачиваютъ въ

нѣсколько кошомъ и, туго перевязавъ арканами, навьючиваютъ на верблюда и уже въ такомъ видѣ, совершивъ молитву даур-уйлантырады, везутъ на отдаленное кладбище. Земля надъ второю ямою нерѣдко обваливается. Киргизы приписываютъ это отнюдь не дурному устройству могилы, а тому, что покойникъ былъ великій грѣшникъ. „Навѣрное,—говорятъ они,—покойникъ при жизни воровалъ, лгалъ, обижалъ бѣдныхъ, неподавалъ милостыни нищимъ, развратничалъ съ чужою женой и т. п.“.

Пока я лазалъ въ могилу и осматривалъ ее, подошла похоронная процессія. Покойника сняли съ носилокъ и, опять-таки впереди ногами, сунули черезъ отверстіе въ первой ямѣ во вторую. Кошму, въ которой онъ былъ завернутъ, сняли, такъ что покойникъ остался въ одномъ матовомъ свивальникѣ. Два киргиза, бывшіе во второй ямѣ, приняли трупъ и, уложивъ его около западной стѣнки на правый бокъ, лицомъ къ западу, а головой къ сѣверу, вылезли изъ ямы и тщательно задѣлали отверстіе второй ямы кусками дерна и земли (камень никогда для этого не употребляется) и затѣмъ уже кетменями *) засыпали первую яму. Каждый, желавшій почтить память покойника, бросалъ въ могилу комокъ земли, причемъ къ болѣе почетнымъ киргизамъ подходили бѣдняки и, подставивъ полу халата, собирали отъ нихъ комочки земли, которые потомъ и бросали въ могилу. Въ сторонѣ отъ могилы, въ позѣ плакальщицы, сидѣли родственники покойника. Когда надъ могилой образовался небольшой бугоръ, мулла поднялся на него и громкимъ голосомъ спросилъ окружающихъ: „Хорошій-ли человекъ былъ покойникъ?“ Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали утвердительно.

Тѣмъ и закончился обрядъ погребенія, называемый „яназа“. Послѣ него приступили къ поминкамъ, но объ этомъ до слѣдующаго раза.

Е. Ковалевъ.

20 августа 1894 года.

Г. Ташкентъ.

*) Кетмень—туземная лопата.

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Плата за годовое издание для иногороднихъ необязательныхъ подписчиковъ—7 р. 80 к.; на 6 мѣсяцевъ—4 р. 40 к.; на 3 мѣс.—2 р. 80 к.; на 1 мѣс. 1 р. 30 коп.

Для всѣхъ остальныхъ подписчиковъ: на годъ—7 р.; на 6 мѣс.—4 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—1 р.

Отдѣльные номера продаются по 8 коп. въ конторѣ редакціи и кн. маг. „Букинистъ“.

Подписка принимается въ Ташкентѣ въ конторѣ редакціи.

Редакція и ея контора помѣщаются на Иванской ул., рядомъ съ домомъ доктора Эрена.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 9 до 3 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ съ 9½ до 11 час. утра.

ВЫХОДЯТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 1352

1-й № „ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ ВЫШЕЛЪ 28 АПРѢЛЯ 1870 ГОДА.

ЦѢНА на „Туркестанскую Туземную Газету“, издаваемую еженедѣльно на сартовскомъ нарѣчій съ русскимъ переводомъ,—3 р. 80 к. съ пересылкой во всѣ города Имперіи, а для жителей Ташкента—3 р. съ доставкой.

Г.г. подписчиковъ на „Туземную Газету“ просятъ обращаться съ своими требованіями и заявленіями въ редакцію „Туземной Газеты“, въ Ташкентѣ, къ директору Ташкентской мужской гимназій Н. П. Остроумову.

Плата за казенныя и частныя объявленіяется взимал въ размѣрѣ: за строчки мелкаго шрифта (38 буквъ) въ одномъ столбцѣ при печатаніи одинъ разъ—10 коп., два раза—по 9 к., за строчку, выше же двухъ разъ—по 8 к. за каждый разъ. При употребленіи крупныхъ и фигурныхъ шрифтовъ, а также рамокъ, украшеній и полтинажей и при допущеніи пробѣловъ, плата взимается за мѣсто по расчету на мелкій шрифтъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. плата взимается по ½ коп. съ листа всѣхъ каждаго экземпляра.

Редакція убедительно проситъ казенныя учрежденія сдавать деньги за напечатаніе объявленій въ мѣстныя казначейства въ доходъ казны по V отдѣлу § 20 ст. 14 текущей смѣты доходовъ Главнаго Интендантскаго Управленія.

16 (28) марта 1895 г.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

№ 20.

Очерки быта каракиргизовъ.

(Изъ путевого дневника)

III.

Поминки по Боку Чалнадыковъ *).

Лишь только успѣлъ мулла сдѣлать опросъ присутствующихъ о нравственныхъ качествахъ покойника и сойти съ могильной насыпи, какъ человѣка четыре киргизъ родственниковъ Боку бросились къ валявшейся тутъ же новой кошмѣ, снятой съ трупа передъ его погребеніемъ, и между ними завязался горячій споръ о томъ, кому должна достаться кошма. Мулла разрѣшилъ этотъ споръ, отдавъ кошму двумъ бѣднякамъ, укладывавшимъ трупъ въ могилу. Они тутъ же разрѣзали ножомъ кошму пополамъ, свернули ее въ трубку и, положивъ свертокъ подъ мышку, повидимому очень довольные, отправились къ мѣсту байги, заражая по дорогѣ воздухъ трупнымъ смрадомъ.

Послѣ запрещенія русскими властями баранты (разбойничьихъ набѣговъ съ цѣлью грабежа или изъ мести), байга (конскій бѣгъ) является любимѣйшимъ развлеченіемъ каракиргизовъ, ибо въ ней они могутъ показать свою удалъ и молодечество, а также похвастаться скакунами.

По каракиргизскому обычаю, байга должна была бы устраиваться исключительно на поминкахъ по покойникѣ, но за послѣднее время обычай этотъ сталъ нарушаться богачами (манапами), устраивающими байгу при всякомъ благопріятномъ случаѣ, напримѣръ, по случаю рожденія первенца сына, послѣ удачныхъ выборовъ и т. п. Байга на поминкахъ по покойникѣ устраи-

вается въ день похоронъ (яназа), въ седьмой день по смерти (хатми коран—чтеніе корана), въ сороковой (кыркач), въ сотый (юзгач) и въ день годовщины (чонгач). Но не по всякому покойнику устраивается байга во всѣ эти дни. Это находится въ зависимости отъ средствъ покойника или его родственниковъ, но какъ бы ни были незначительны средства, а обойтись совершенно безъ байги считается позоромъ.

Чтеніе корана въ седьмой день по смерти вошло въ обычай сравнительно недавно (лѣтъ 20—25 тому назадъ) и введено заѣзжими татарскими муллами. Прежде же въ этотъ день читались незамысловатыя молитвы доморожденныхъ муллъ, послѣ чего дѣлились одежды покойника между бѣднѣйшими его родственниками.

Вліяніе заѣзжихъ муллъ татаръ среди киргизовъ такъ сильно, что многіе изъ первобытныхъ, чисто языческихъ обычаевъ и обрядностей быстро исчезаютъ. Вотъ почему крайне необходимо было бы, не теряя времени, обратить особое вниманіе на всестороннее изученіе быта, обрядовъ, легендъ и историческихъ преданій киргизскаго народа.

Чѣмъ богаче покойникъ или его родственники, тѣмъ больше народу стекается на поминки по немъ, и съѣзжаются они не только изъ той волости, въ которой онъ жилъ, но и изъ сосѣднихъ. Киргизы очень любятъ поминки и стоитъ только кому либо изъ манаповъ мало-мальски серьезно заболѣть, какъ вѣсть объ этомъ съ быстротою молніи разносится во всѣ стороны. Мнѣ случилось разъ встрѣтить мчавшагося во весь опоръ, забывшаго даже о своей солидности аульнаго бія для того, чтобы первому сообщить вѣсть о смерти стараго волостнаго управителя. Подъ пред-

*) См. №№ 62 и 64 за 1894 г.

логомъ соболѣзнованія навѣщаютъ киргизы больного богача, спрашиваютъ о его здоровьи и, во что бы то ни стало, добиваются его увидѣть. Если нельзя почему нибудь войти въ юрту, гдѣ онъ помѣщается, то просятъ разрѣшенія посмотретьъ хоть въ щелку. Добившись этого и выйдя затѣмъ изъ аула, начинаютъ они совѣщаться о томъ, выживетъ-ли больной или нѣтъ. Если болѣе шансовъ за послѣднее, то предусмотрительнѣйшіе изъ киргизъ, имѣющихъ скакуновъ, начинаютъ заблаговременно готовить ихъ къ байгѣ.

Подготовка эта заключается въ томъ, что коня берутъ изъ табуна, задаютъ ему овесъ, котораго онъ въ обыкновенное время не видитъ, и заставляютъ его ежедневно пробѣгать постепенно увеличиваемыя разстоянія, причемъ договариваютъ жокея, который и объѣзжаетъ коня.

И вотъ, узнавъ о смерти Боку Чалкадыкова, киргизъ, какъ я говорилъ уже раньше, собралось человѣкъ 700, не смотря на то, что покойный былъ бѣденъ. Вся эта орава съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія похоронъ и лишь только онѣ кончились, всѣ киргизы направились къ заранѣ намѣченному для начала байги пункту.

Пунктомъ этимъ служила древняя каменная статуя или, какъ ихъ принято называть, „каменная баба“, зарытая въ землю по самую шею, такъ что лишь одна безобразная голова съ остроконечнымъ калмыцкимъ колпакомъ на макушкѣ торчитъ изъ земли. Непогоды и время значительно сгладили грубо высѣченные на камнѣ черты ея лица. Она являетея теперь свидѣтельницей современной киргизской байги, но Аллахъ вѣдаетъ, сколько тысячелѣтій простояла она на этомъ мѣстѣ, сколько она видѣла народовъ, проходившихъ мимо нея. Досада разбираетъ, какъ подумаешь, что до сихъ поръ нѣтъ никакихъ точныхъ историче-

скихъ данныхъ объ этихъ загадочныхъ памятникахъ. Между тѣмъ такіе каменные изваянія встрѣчаются, начиная съ верховьевъ Енисѣя и кончая степями Крыма и Екатеринославской губерніи. Однако я уклонился въ сторону отъ описанія байги.

Всѣхъ скакуновъ, предназначенныхъ для бѣга, было двадцать. Привыкнувъ видѣть на европейскихъ скачкахъ породистыхъ, выхолощенныхъ лошадей, я былъ крайне пораженъ незрѣлымъ видомъ киргизскихъ скакуновъ. Но не всякій европейскій скакунъ былъ бы въ состояніи промчатся, безъ всякаго ущерба для своего здоровья, въ какія нибудь 42 минуты разстояніе въ 20 верстъ и послѣ этого отвезти еще своего хозяина въ аулъ, отстоящій отъ мѣста байги верстъ на пятнадцать—двадцать.

Весна была поздняя, а потому голодавшія всю зиму лошади, не успѣли еще откѣстаться въ богатыхъ питательной травой горныхъ долинахъ. Небольшаго роста, съ громадной неуклюжей головой, худыя до того, что издали можно было пересчитать у нихъ чуть-ли не всѣ ребра, лошади эти производили крайне жалкое впечатлѣніе. Скакунамъ, предназначеннымъ къ байгѣ, въ отличіе ихъ отъ другихъ лошадей, заплетаютъ гриву вмѣстѣ съ разноцвѣтными доскутками, а чолку туго перевязываютъ какой нибудь тесьмой, такъ что она стоитъ торчкомъ между ушами; хвостъ ниже послѣдняго сустава также туго-на-туго перевязываютъ какимъ нибудь небольшимъ разноцвѣтнымъ ситцевымъ платкомъ или тряпкой.

(Продолженіе будетъ).

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВЪДОМОСТИ.

Плата за годовое изданіе для иногороднихъ необязательныхъ подписчиковъ—7 р. 80 к.; на 6 мѣсяцевъ—4 р. 40 к.; на 3 мѣс.—2 р. 80 к.; на 1 мѣс. 1 р. 30 коп.

Для всѣхъ остальныхъ подписчиковъ: на годъ—7 р.; на 6 мѣс.—4 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—1 р.

Отдѣльные номера продаются по 8 коп. въ конторѣ редакціи и кн. маг. „Букинистъ“.

Подписка принимается въ Ташкентѣ въ конторѣ редакціи.

Редакція и ея контора помѣщаются на Иканской ул., рядомъ съ домомъ доктора Эрена.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, съ 9 до 3 ч. пополудни. Личныя объясненій съ редакторомъ съ 9½ до 11 час. утра.

ВЫХОДЯТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 1353

1-й № „ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВЪДОМОСТЕЙ“ ВЫШЕЛЪ 28 АПРѢЛЯ 1870 ГОДА.

ЦѢНА на „Туркестанскую Туземную Газету“, издаваемую еженедѣльно на сартовскомъ нарѣчій съ русскимъ переводомъ,—3 р. 80 к. съ пересылкой во всѣ города Имперіи, а для жителей Ташкента—3 р. съ доставкой.

Г.г. подписчиковъ на „Туземную Газету“ просятъ обращаться съ своими требованіями и заявленіями въ редакцію „Туземной Газеты“, въ Ташкентѣ, къ директору Ташкентской мужской гимназіи Н. П. Остроумову.

Плата за казенныя и частныя объявленія берется взимая въ размѣрѣ: со строчки мелкаго шрифта (38 буквъ) въ одномъ столбцѣ: при печатаніи одинъ разъ—10 коп., два раза—по 9 к. за строчку, выше же двухъ разъ—по 8 к. за каждый разъ. При употребленіи крупныхъ и фигурныхъ шрифтовъ, а также рамокъ, украшеній и политижажей и при допущеніи пробѣловъ, плата взимается за мѣсто по расчету на мелкій шрифтъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. плата взимается по ½ коп. съ лота вѣса каждаго экземпляра.

Редакція убѣдительно проситъ казенныя учрежденія сдавать деньги за напечатаніе объявленій въ мѣстныхъ казначейства въ доходъ казны по V отдѣлу § 20 ст. 14 текущей смѣты доходовъ Главнаго Интендантскаго Управленія.

19 (31) марта 1895 г.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

№ 21.

Очерки быта каракиргизовъ.

(Изъ путевого дневника)

III.

Поминки по Боку Чалнадыновъ *).

(Окончаніе).

Еще до отправления въ экспедицію, знакомясь съ бытомъ киргизовъ по разнымъ книжнымъ источникамъ, мнѣ пришлось натолкнуться въ сочиненіи Н. И. Гродекова „Киргизы и каракиргизы“ (т. I, стр. 255) на мѣсто, гдѣ при описаніи байги, между прочимъ, говорится:

„Наемныхъ жокеевъ не бываетъ, а на скаковыхъ лошадяхъ пускаютъ молодежь изъ среды родныхъ и знакомыхъ. Если умретъ кто либо изъ скакавшихъ, то хозяинъ лошади, вмѣсто хуна, даетъ его роднѣ скакуна съ выиграннымъ призомъ и несетъ расходы на похороны“.

Сколько разъ мнѣ ни приходилось быть свидѣтелемъ байги, ни разу я не видѣлъ, чтобы жокеями были родственники владѣльцевъ скакуновъ. Среди бѣднѣйшихъ многодѣтныхъ киргизъ образовалась довольно своеобразная и жестокая эксплоатація собственныхъ дѣтей. Отецъ начинаетъ приучать своего сынишку, чуть-ли не съ семилѣтняго возраста, къ быстрой верховой ѣздѣ, и, когда мальчику минетъ 11—13 лѣтъ, онъ отдается въ наймы въ качествѣ жокея на байгѣ.

Нанимающій такого жокея заранее уславливается съ почетнымъ родителемъ мальчика относительно вознагражденія, причемъ при свидѣтеляхъ оговаривается, что если съ мальчикомъ, во время или послѣ ѣзды, случится какое нибудь несчастье, то онъ, наниматель, за это не отвѣчаетъ, а другая сторона въ свою очередь слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за могущее случиться во время байги несчастье съ лошадыю.

Вознагражденіе родителямъ мальчика, принявшаго участіе въ байгѣ, заключается въ извѣстной части приза, взятаго лошадыю, на которой скакалъ жокей (во всякомъ случаѣ не меньше четвертой части взятаго приза). Жокей, скакунъ котораго не взялъ приза, не получаетъ никакого вознагражденія.

Замѣтимъ, кстати, что заботливые родители, чтобы хотя сколько нибудь предохранить мальчика отъ тряски во время бѣшеной скачки, туго перевязываютъ его крестъ-на-крестъ черезъ плечи поясомъ отъ халата.

Передъ началомъ байги мальчишки-жокеи, важно сядя на своихъ скакунахъ, одинъ за другимъ проѣхали мимо почетныхъ лицъ. Впереди ихъ на отчаяннѣйшей клячѣ, кривляясь всѣмъ корпусомъ и выдѣлывая ужаснѣйшія гримасы, ѣхалъ старикъ-комикъ. Тоненькимъ старческимъ голоскомъ пѣлъ онъ какую-то веселую пѣсенку, самъ себѣ аккомпанируя на трехструнномъ музыкальномъ инструментѣ, имѣющимъ большое сходство съ нашей балалайкой.

Послѣ объѣзда почетныхъ лицъ скакуны были выстроены въ одну шеренгу и, по возгласу: „Алла акбар“, жокеи пустили ихъ скорою рысью по направленію къ станціи Кумбель, находившейся въ десяти верстахъ. Дорога пролегла по ровному песчано-каменистому грунту.

Выѣхали они ровно въ 12 часовъ 5 минутъ пополудни. Часть киргизъ поѣхала за ними.

Между оставшимися на мѣстѣ киргизами начались пари. Большинство держало за сѣраго скакуна бывшаго волостнаго управителя. Цѣнность пари дошла до двухъ барановъ.

Въ это время на площадку передъ почетными лицами выѣхалъ здоровый киргизскій паренъ. Упершись въ колено нагайкой, сталъ онъ вызывать охотниковъ побороться съ нимъ. За охотниками дѣло не стало. Выѣхало три молодыхъ киргиза и поочереді стали бороться съ первымъ. Борьба состояла въ томъ, чтобы, схвативъ противника за ногу, ловкимъ движеніемъ сбросить его съ сѣдла. Паренъ нашъ поборолъ двухъ противниковъ. Паденіе ихъ съ лошадей сопровождалось гомерическимъ смѣхомъ со стороны зрителей. Съ третьимъ соперникомъ ему не такъ легко было сладить. Минутъ десять вертѣлись они другъ около друга. Наконецъ простая случайность помогла первому побѣдить второго. Ловко схвативъ руками ногу противника, онъ изо всей силы потащилъ ее вверхъ. Тонкій ремешекъ, замѣнявшій подпругу сѣдла у схваченнаго за ногу киргиза, лопнулъ, и онъ, комично задрвавъ ноги вверхъ, вмѣстѣ съ сѣдломъ, полетѣлъ на землю, причемъ такъ сильно ударился головой о камень, что лишился чувствъ. Поднялась суматоха. Побѣдитель, не обращая вниманія на случившееся, продолжалъ вызывать желающихъ бороться съ нимъ, но я попросилъ прекратить эту забаву. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ удалось привести въ чувство ушибленнаго. Придя въ себя, онъ всталъ, пошатываясь, подошелъ къ своей лошади и, сѣвъ на нее верхомъ, вырвалъ у нея изъ гривы пучекъ волосъ. Потерѣвъ этимъ пучкомъ ушиблен-

*) См. № 20.

ное на головѣ мѣсто, онъ поднесъ пучекъ ко лбу, къ глазамъ и ушамъ и затѣмъ, плюнувъ три раза на него, перебросилъ черезъ голову. Мнѣ объяснили, что этимъ онъ заговорилъ себя отъ дальнѣйшихъ послѣдствій ушиба и что если съ нимъ все-таки приключится болѣзнь, то, благодаря совершенному обряду, она перейдетъ на лошадь.

Но вотъ показалась пыль отъ мчавшихся скакуновъ. Владѣльцы ихъ выѣхали на встрѣчу для оказанія помощи. Подмога эта, или, какъ ее называютъ киргизы, „кутерме“, состоитъ въ томъ, что владѣлецъ лошади, или тотъ, кому онъ это поручить, выѣзжаетъ навстрѣчу своему скакуну и, схвативъ налету брошенный жокеемъ ремень, привязанный къ уздечкѣ скакуна, мчится на свѣжей лошади впереди усталого скакуна, таща его за ремень и тѣмъ подбадривая.

Первымъ приѣхалъ сѣрый конь бывшаго волостного. Жокей, поравнявшись съ каменной бабой, бросилъ въ нее свою тубетейку. Примчался онъ обратно въ 12 часовъ 47 минутъ; тотчасъ же одна за другою приѣхали и остальные лошади. Такимъ образомъ разстояние въ 20 верстъ съ небольшимъ было пройдено въ 42 минуты, считая въ томъ числѣ и остановку на станціи Кумбель для передышки.

Всѣхъ призовъ было шесть. Первый состоялъ изъ 100 аршинъ дешеваго ситца; остальные изъ того же ситца, но въ меньшемъ количествѣ, такъ что послѣдній, шестой призъ, заключался всего въ 15 аршинахъ.

По окончаніи байги я сталъ прощаться съ киргизами.

Волостной управитель, принявшій на себя роль хозяина, началъ упрасивать меня остаться закусить и, кромѣ того, заявилъ, что, по киргизскому обычаю, дорогихъ гостей не отпускаютъ безъ подарка и что потому онъ послалъ уже въ табунъ за лошадью, предназначенной мнѣ въ подарокъ. Не имѣя при себѣ отвѣтнаго подарка, я на-отрѣзъ отказался отъ лошади и такъ какъ мой джигитъ съ вьючками былъ отправленъ впередъ, то попросилъ, чтобы мнѣ дали какого нибудь киргиза въ проводники. Человѣкъ шесть киргизъ изъ тѣхъ, кому было со мною по дорогѣ, присоединились ко мнѣ.

Кстати сказать, старинный обычай киргизъ дарить дорогимъ гостямъ подарки давно уже вышелъ изъ моды и теперь ограничиваются однимъ посулами. Оставшись однажды у одного изъ волостныхъ, я согласился на предложеніе его подарить

мнѣ лошадь, такъ какъ моя, пройдя болѣе тысячи верстъ, сильно притомилась. Въ отвѣтный подарокъ я рассчитывалъ пожертвовать своимъ биноклемъ, до котораго всѣ вообще азіаты большіе охотники. Моимъ согласіемъ волостной, рассчитывавшій, поименованному, на мой отказъ, былъ явно поставленъ въ крайне неловкое положеніе не только передо мной, но и передъ остальными киргизами, въ присутствіи которыхъ онъ пообѣщалъ сдѣлать подарокъ. Еще въ болѣе глупомъ и неловкомъ положеніи оказался я самъ, когда, прождавши нѣсколько часовъ обѣщаннаго подарка, уѣхалъ несо-лоно хлѣбавши.

Дорогой одинъ изъ присоединившихся ко мнѣ киргизъ, почтенный старецъ, сталъ распрашивать меня о нашихъ православныхъ похоронныхъ обрядахъ, и тамъ, гдѣ онъ находилъ сходство, отъ удивленія почмокивалъ.

Устройство нашей могилы онъ находилъ непрактичнымъ.

— „Зачѣмъ же у васъ не дѣлаютъ второй ямы?“—спросилъ онъ у меня. — „А вдругъ человѣкъ не умеръ, а окружающимъ показалось только, что онъ скончался. Какъ же тогда онъ выйдетъ изъ могилы? При нашемъ устройствѣ изъ могилы ему легко можно будетъ выбраться, ну а при вашемъ такъ совсѣмъ пропадетъ человѣкъ“.

На заявленіе мое о томъ, что у насъ хоронятъ не въ теченіе сутокъ, какъ у киргизъ, а по прошествіи трехъ дней, и что смерть покойника удостовѣряетъ врачъ, спутникъ мой вполне резонно замѣтилъ:

— „И врачъ человѣкъ, а человѣку свойственно ошибаться. А вотъ слушай, бай, какую правдивую исторію я тебѣ расскажу“.

Старикъ нѣсколько минутъ проѣхалъ молча, какъ бы возстаивая въ памяти прошедшее, и затѣмъ началъ:

— „Было это лѣтъ тридцать тому назадъ. Я въ то время былъ еще молодымъ и состоялъ джигитомъ при славномъ батырѣ рода Сары-башей, Умбетъ-Али, сынѣ Урманна, и кочевали мы въ то время въ горахъ на югъ отъ Иссык-куля*).

*) Каракиргизскій родъ Сагыбагышей до 1863 г. находился въ нашемъ подданствѣ, но съ этого года большая часть его, подъ предводительствомъ барангача Умбетъ-Али, отдѣлилась и, переселившись въ прилегающія къ рѣкѣ Нарыну горныя долины, стала жить барангой и грабежомъ сосѣднихъ киргизскихъ родовъ и кашгарскихъ каравановъ. Когда затѣмъ власть русскихъ окрылила въ краѣ, Умбетъ-Али, тѣснимый съ сѣвера русскими, съ востока и юга кашгарцами, а съ запада кокандскимъ ханомъ Якуб-бекомъ, благоразумно рѣшилъ лѣниться съ повинной къ русскимъ властямъ, вполне вѣрно рассчитывая

Якшилыковъ. Никакой особенной болѣзни у него не было, а между тѣмъ человѣкъ этотъ съ каждымъ днемъ дѣлался все слабѣе и слабѣе и въ концѣ концовъ умеръ. Похоронили мы его; послѣ похоронъ устроили поминки, байгу и угощеніе; однимъ словомъ все, какъ полагается, по закону. Многие уже разѣхались по своимъ ауламъ; остались только родственники да дальніе гости. Улеглись спать. Вдругъ ночью изъ юрты покойника, въ которой оставалась только его жена, раздался такой страшный крикъ, что мы подумали, ужъ не тигръ-ли забрался въ аулъ (а въ то время часто заходили тигры съ рѣкъ Тюна и Джергалана). Вскочили мы, какъ сумасшедшіе, схватили что ни попало подѣ руку и потихоньку подкрадываемся къ юртѣ. Подошли шаговъ на пятнадцать. Баба такъ и реветъ, и показало намъ, что кто-то изъ мужчинъ уговариваетъ ее въ юртѣ. Мы такъ и оцѣпили и остановились въ нерѣшимости, что дѣлать. Былъ между нами одинъ храбрый джигитъ, Ирика Давиралбаевъ—Аллахъ да помилуетъ его память: убитъ онъ во время войны съ коканцами. Вотъ и говоримъ мы ему: на, возьми мултукъ и посмотри, что тамъ дѣлается въ юртѣ. А въ юртѣ костеръ былъ разложенъ. Потихоньку подкрался онъ къ юртѣ, приподнялъ край войлока, взглянулъ въ отверстіе, да какъ крикнетъ: „Аллаакбар!“, бросилъ мултукъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ отъ юрты. Мы за нимъ. Отбѣжали шаговъ на полтора и остановились. Долго нитого мы не могли добиться отъ Ирика. Наконецъ, немного успокоившись, онъ намъ сказалъ, что, видно, злой духъ Азраилъ разсердился на насъ за то, что мы переставили юрту покойника на другое мѣсто раньше трехъ дней по его смерти. И вотъ, обратившись въ покойника, онъ вошелъ въ юрту, чтобы наказать вдову. А у насъ, бай, такой законъ, что раньше трехъ дней послѣ смерти человѣка нельзя переставлять его юрту на другое мѣсто и жена покойника должна все это время оставаться въ ней и плакать по мужѣ. Въ теченіе этого времени ни войти въ юрту никому нельзя, ни готовить пищи въ ней не полагается. Ёду приносятъ вдовѣ родственники и ставятъ ее въ юрту черезъ двери. А какъ на несчастіе, въ этотъ вечеръ полилъ страшный дождь; ручей, около котораго стояла юрта, переполнился водою и затопилъ ее. Пришлось перенести юрту на другое мѣсто. Вотъ злой духъ Азраилъ и разсердился за такое нарушеніе

на гуманное отношеніе ихъ къ туземцамъ. Въ 1867 году состоялся окончательный переходъ рода Сарыбагшишей въ наше подданство.

Авт.

закона. Собрали совѣтъ стариковъ и рѣшили подождать до восхода солнца, а до этого времени выставили недалеко отъ юрты караулъ и заставили муллу читать молитвы. Какъ только началъ читать мулла молитву, изъ юрты снова раздался страшный крикъ, но только уже не женскій, а мужской; потомъ, казалось намъ, стали бороться въ юртѣ и въ ней слышенъ былъ чей-то хрипъ. „Ага—думаемъ мы—подѣйствовали молитвы муллы“, а у самихъ такъ духъ и замеръ. На-утро, чуть только стало всходить солнце, собрались мы всѣмъ ауломъ и подошли къ юртѣ. Въ ней было тихо. Подняли дверной войлокъ, да такъ и ахнули. Около потухшаго костра сидѣла жена покойника, верхомъ на своемъ мужѣ, уцѣпившись обѣими руками ему въ шею; она пригнула голову его лицомъ прямо въ костеръ, да въ такомъ положеніи и замерла. Когда мы вошли въ юрту, она хотѣла бы пошевелилась. Смотритъ куда-то впередъ безсмысленными глазами, а волосы такъ совсѣмъ сѣдые стали у нея. Позвали ее по имени—не откликается, тронули за плечо, не обращаетъ никакого вниманія. Насилу разжали ей пальцы и освободили покойника изъ ея рукъ. Лицо его и руки бабы были всѣ обожжены и къ запекшейся крови присталъ пепелъ отъ костра. Какъ они оба не сгорѣли, Аллахъ вѣдаетъ. Пошли посмотрѣть могилу: могила разрыта и покойника въ ней нѣтъ. Позвали бѣи, собрали изъ старшинъ совѣтъ и на немъ рѣшили: покойника похоронить въ его же могилѣ и договорить семь муллъ, чтобы они читали молитвы по покойнику въ 7, 40 и 100-й дни и въ день годовщины смерти его“.

—Ну, а что же случилось съ женой покойника?—спросилъ я старика.

—„Да такъ и осталась нѣмой и сумасшедшей на всю жизнь. Видно злой духъ Азраилъ вогналъ въ нее джиновъ, и какихъ только баксъ не призывали мы, ни одинъ не могъ изгнать ихъ изъ нея. Лѣтъ черезъ пять послѣ этого были мы на лѣтовкахъ у перевала Барскоуна, пошла и она съ нами, да тамъ какъ-то и потерялась. Какъ мы ни искали ее, найти не могли“.

—Можетъ быть упала въ пропасть и тамъ убила, —высказалъ я свое предположеніе.

—„Аллахъ великъ, все возможно“—заклучилъ свой рассказъ старикъ и сталъ прощаться со мною, такъ какъ наши дороги расходились.

Евгеній Ковалевъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
СЕНТЯБРЬ, 1907 Г.

УБИЙСТВО БОКУ ЧАЛКАДЫКОВА.

(Очеркъ изъ быта кара-киргизовъ)¹⁾.

I.

Въ качествѣ проводника ѣхавшій со мною уѣздный джигитъ, киргизъ Орумбай, по обыкновенію остановился поговорить со встрѣчными киргизами. Поговорить, узнать, кто, куда и зачѣмъ ѣдетъ, подѣлиться новостями,—это общая страсть киргизовъ. Однако новость, должно быть, очень интересная, такъ какъ они что-то ужъ очень долго и оживленно разговариваютъ. Въ ожиданіи возвращенія джигита, останавливаю лошадь, слѣзаю съ нея и съ наслажденіемъ смачиваю голову прохладной водой озера Иссыкъ-куля. Видъ озера съ окружающими его громадами снѣговыхъ горъ и на берегу группа киргизовъ въ разноцвѣтныхъ халатахъ до того живописны, что я, чуть ли не въ десятый разъ въ этотъ день, вытаскиваю альбомъ и принимаюсь за этюдъ. Только что успѣлъ я сдѣлать карандашный набросокъ, какъ вижу, что всѣ киргизы, предводительствуемые Орум-

¹⁾ Кара-киргизы—племя монгольскаго происхожденія (скорѣе смѣсь монгольскаго и арійскаго племенъ), говорятъ тюркскимъ нарѣчіемъ съ небольшою примѣсью китайскихъ словъ. Заселяютъ, начиная съ Семирѣчья, отроги Тянь-шаньскихъ горъ.

баемъ, направляются въ мою сторону и еще издали джигить кричить мнѣ: «Бай! большая новость, джанджалъ!»¹⁾ Боку убили».

Въ наивной простотѣ своей ему кажется, что я непременно долженъ знать какого-то Боку.

Подъѣхавшіе киргизы слѣзли съ лошадей и, отвѣсивъ мнѣ почтительный кульдукъ (поклонъ), по очереди поздоровались со мною за руку. Пригласивъ ихъ сѣсть, я обратился къ старшему изъ нихъ:

— Ну, бабай, говори, какого киргиза убили и въ чемъ дѣло?

— Я не былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убили человѣка, а потому ничего достовѣрнаго не знаю, слышалъ отъ нихъ,—указываетъ онъ на остальныхъ киргизовъ,—что зарѣзали Боку, а какъ и за что, не знаю,—политично увертывается старикъ.

Обращаясь къ другому, третьему,—оказывается, никто ничего не знаетъ.

— Бай, они васъ боятся, поэтому ничего не говорятъ,—вмѣшивается джигить.

Кое-какъ удалось мнѣ убѣдить ихъ, что я не начальникъ, что ѣду не по казеннымъ дѣламъ, а какъ путешественникъ, интересующійся краемъ, и что если и спрашиваю ихъ объ убійствѣ, то лишь изъ простого любопытства. Въ концѣ концовъ киргизы разговорились и вотъ что узналъ я отъ нихъ.

Кара-киргизъ Боку Чалкадыковъ, человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, отличается атлетическимъ тѣлосложеніемъ, большою физическою силою и крайнею необузданностью нрава. Несмотря на богатую родню, которую онъ безсовѣстно обираетъ, Боку вѣчно нуждался какъ въ деньгахъ, такъ и въ скотѣ. У Боку былъ троюродный братъ Бусурманъ Кенембаевъ, трудолюбіемъ и бережливостью составившій себѣ порядочное состояніе. Богатство Бусурмана не давало Боку покоя, а потому, какъ только онъ чувствовалъ въ чемъ-нибудь недостатокъ, то и обращался къ Бусурману, грозясь, въ случаѣ отказа, убить его. Получивши отъ брата нѣсколько головъ скота, Боку продавалъ ихъ за безцѣнокъ и на вырученные деньги отправлялся кутить въ ближайшій уѣздный городъ, гдѣ въ компаніи разныхъ гулякъ не только пилъ пиво, но и запрещенныя кораномъ водку и вино. Прокутившись, онъ снова обращался къ брату. Зная Боку за человѣка отчаяннаго, ни на минуту не задумавшагося бы надъ исполненіемъ своей угрозы, Бусурманъ вынужденъ былъ удовлетворять его требованія. Нѣсколько разъ обращался Бусурманъ съ жалобами на брата къ мѣстной администраціи, но та, не имѣя противъ него достаточныхъ уликъ, ничего не могла сдѣлать. Боку же, видя, что Бусурманъ его боится и что жалобы на него остаются безъ послѣдствій, день-о-то-дня дѣлался

¹⁾ Джанджалъ—скандалъ.

все безсовѣстнѣе и нахальнѣе въ своихъ требованiяхъ и, наконецъ, дошелъ до того, что наканунѣ отправки Бусурмана со всѣмъ семействомъ въ горы на лѣтовку явился къ нему въ аулъ и потребовалъ выдачи ему любимой жены Бусурмана, молодой и хорошенькой киргизки Кара-Юзъ. (Черные Глаза). Какъ ни убѣждалъ его Бусурманъ, предлагая даже взамѣнъ жены любимого своего коня, сѣраго иноходца, Боку стоялъ на своемъ и уѣхалъ къ себѣ въ аулъ, объявивъ брату, что если онъ завтра утромъ не привезетъ Кара-Юзъ къ Талды-булакскому ущелью, черезъ которое пролегалъ путь на лѣтовку, то онъ убьетъ его и тогда уже, по обычному праву, получить въ жены Кара-Юзъ.

Выведенный изъ терпѣнья нахальствомъ и безсовѣстностью брата и не видя конца его требованiямъ, Бусурманъ рѣшилъ разъ навсегда избавиться отъ него.

На другой день, рано утромъ, собравъ человекъ восемь товарищей, большею частью своихъ и Кара-Юзъ родственниковъ и уговорившись съ ними, Бусурманъ выѣхалъ къ Талды-булакскому ущелью. Семейство и скотъ его ѣхали за нимъ. При входѣ въ ущелье они увидѣли Боку и двухъ его товарищей киргизовъ сидящими около горнаго ручья. Лошади ихъ паслись тутъ же. Подѣхавъ къ Боку, Бусурманъ слѣзъ съ лошади и сталъ вновь уговаривать его отказаться отъ Кара-Юзъ и взять взамѣнъ ея иноходца. Какъ бы для большаго убѣжденiя, Бусурманъ, стоя съ правой стороны Боку, лѣвой рукой обнялъ его. Когда же тотъ снова отказался, Бусурманъ быстро перенесъ руку съ талии Боку на шею и, обхвативъ ее, нагнулъ Боку назадъ, правой же рукой выхватилъ изъ-за голенища большой андижанскiй ножъ и со всего размаха воткнулъ его въ животъ Боку. Это послужило сигналомъ для товарищей Бусурмана. Выхвативъ небольшiе ножи, носимые киргизами на поясѣ, они начали безпощадно колоть ими Боку. Товарищи Боку, боясь, чтобы и имъ не досталось, вскочили на лошадей и усакали.

Всего нанесено было Боку 52 раны. Животъ былъ распоротъ, а лицо изувѣчено до неузнаваемости. Бусурманъ, убивъ брата, вскочилъ на лошадь и поѣхалъ въ уѣздный городъ сообщить начальству, что Боку напалъ на него съ цѣлью грабежа и что въ схваткѣ, происшедшей при этомъ, онъ печально убилъ Боку. Показанiе это должны были подтвердить и его товарищи, но они, полагая, что Бусурманъ за убiйство Боку будетъ сосланъ въ Сибирь, рѣшили всю вину свалить на него, а такъ какъ они знали, что изъ Сибири рѣдко кто возвращается, то и напали на подошедшiй къ ущелью караванъ съ женами и имуществомъ Бусурмана и разграбили его, оставивъ несчастныхъ женъ тутъ же въ ущельѣ.

Вечеромъ прiѣхалъ я на станцію Чокталъ по иссыкъ-кульскому почтовому тракту. Часа въ 4 утра просыпаюсь, зову джи-

гита, его нигдѣ не могутъ найти. Оказывается, что, какъ только я легъ спать, Орумбай умчался по дорогѣ къ станціи Кумбель, официально называемой Чулпанъ-ата, въ 10-ти верстахъ отъ которой произошло убійство. Часовъ въ семь утра, запыленный, съ воспаленными отъ бессонницы глазами, на совершенно взмыленной лошади прискакалъ назадъ мой Орумбайка.

— Гдѣ это ты пропадалъ всю ночь и какъ смѣешь ты такъ мучить чужихъ лошадей (ѣхалъ онъ на смѣнныхъ киргизскихъ лошадяхъ),—набрасываюсь я на него.

Но Орумбай не даетъ мнѣ договорить и восторженно восклицаетъ:

— Бай! видѣлъ Боку: совсѣмъ распухъ, воняетъ. Ночью на Кумбель пріѣхалъ докторъ и слѣдователь, сегодня будутъ рѣзать Боку. Бай, пожалуйста, ѣдемъ туда скорѣе, а то опоздаемъ.

Присутствовать на анатомированіи было для меня не интересно; мѣстность же между станціями Чокталъ и Кумбель представляла столько занимательнаго, какъ въ археологическомъ, такъ и въ естественно-историческомъ отношеніи, что на изслѣдованіе ея я рѣшилъ посвятить весь этотъ день, чѣмъ сильно опечалилъ Орумбая. На какія только хитрости ни пускался онъ, чтобы убѣдить меня ѣхать къ мѣсту убійства! Наконецъ, видя, что ничего не дѣйствуетъ, приводитъ ко мнѣ двухъ киргизовъ, которые сообщаютъ, что около станціи Кумбель умеръ какой-то дальній родственникъ Орумбая и что поэтому ему необходимо немедленно туда ѣхать. При этомъ Орумбай корчитъ такую уморительно-печальную фізіономію, что я едва удерживаюсь отъ смѣха, и хотя и сознаю, что все это выдумки, но, зная, что отъ Орумбая сегодня толку никакого не будетъ, отпустилъ его, условившись, чтобы онъ дожидался меня на томъ мѣстѣ, откуда начнется байга, (лошадиныя скачки), которая, какъ мнѣ сказали киргизы, должна состояться завтра, часовъ въ десять утра, послѣ похоронъ Боку.

II.

Роскошная картина предстала передо мною, когда на другой день я подѣхалъ къ мѣсту, предназначенному для скачекъ. Громадныя предгорья сѣвернаго Алатау живописными скалами изъ краснаго, мѣстами почернѣвшаго отъ времени песчаника и порфира подходятъ почти къ самому берегу озера Иссыкъ-куля, оставляя узкую полосу земли, покрытую ярко-зеленой свѣжей травой. Спокойная поверхность озера какъ въ зеркалѣ отражала въ себѣ снѣговыя вершины противоположнаго южнаго Алатаутскаго хребта. Бѣлыя, съ черными головками морскія чайки съ рѣзкимъ крикомъ, похожимъ то на плачь ребенка, то на мяуканье кошки, безпечно летали около берега. Большіе грифы и орлы-рыболовы пла-

ными кругами высоко парили въ воздухѣ. Толпа человекъ въ 700 киргизовъ, въ яркихъ разноцвѣтныхъ праздничныхъ халатахъ, дополняла и оживляла эту картину.

Гулъ отъ говора, споровъ и рѣзкихъ призывныхъ окриковъ, ржанье лошадей и жалобный ревъ верблюдовъ слышался далеко за версту и глухимъ эхомъ разносился по ближайшимъ ущельямъ.

На высокомъ бугрѣ, по которому длинною бѣлой лентою пролегала почтовая дорога, живописно выдѣлилась группа почетныхъ киргизовъ. Послѣдніе при моемъ приближеніи сѣли на лошадей и, предводительствуемые Орумбаемъ, поѣхали ко мнѣ навстрѣчу. Шаговъ за сорокъ они слѣзли съ лошадей и, передавъ поводья сопровождавшимъ ихъ джигитамъ, выстроились вдоль дороги въ одну линію; во главѣ ихъ стоялъ толстый претолстый пожилой киргизъ съ ярко вычищеннымъ, блестящимъ на солнцѣ мѣднымъ значкомъ волостного управителя на груди. Когда я подъѣхалъ, всѣ они отвѣсили мнѣ почтительный поклонъ, и волостной по очереди отрекомендовалъ мнѣ остальныхъ киргизовъ. Былъ тутъ и старый волостной, и бій (судья), и аульные старшины, и просто почетныя лица въ синихъ суконныхъ съ позолоченными позументами халатахъ; у нѣкоторыхъ висѣли на шеѣ на станиславскихъ лентахъ большія серебряныя медали, у одного же изъ нихъ красовалась въ петличкѣ халата орденская ленточка съ серебрянымъ крестомъ св. Георгія. Орденъ этотъ, какъ я узналъ, получилъ онъ во время Кокандскаго похода. Послѣ представленій волостной преподнесъ мнѣ большую деревянную чашку съ кумысомъ.

Покуда я съ наслажденіемъ пилъ кумысъ, киргизы снова сѣли на лошадей. Нанпившись, я передаю чашку волостному и, по киргизскому этикету, прошу его также выпить кумыса. Волостной, видимо, просіялъ, но, выпивъ самъ, противъ обыкновенія, не угоstilъ другихъ, а такъ какъ дѣлается это лишь при встрѣчахъ съ очень важными особами, то такая торжественность, а особенно суетливое поведеніе Орумбая нѣсколько озадачили меня.

— Навѣрное Орумбайка выкинулъ какой-нибудь фокусъ,— промелькнуло у меня въ головѣ.

Когда я, въ сопровожденіи почетныхъ лицъ, двинулся дальше, то волостной попросилъ у меня разрѣшенія приступить къ похоронамъ Боку.

— Какъ, развѣ еще не похоронили!—обращаюсь я къ Орумбаю, переважно ѣдущему рядомъ со мною уже на другой красивой гнѣдой лошади.

— Нѣтъ, бай, я приказалъ дожидаться васъ, чтобы вы могли увидѣть наши похороны.

Не мѣсто было распекать его за это, а потому я и не побѣдился дать разрѣшеніе, при чемъ попросилъ позволенія присутствовать на нихъ въ качествѣ зрителя, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы

меня нисколько не стѣснялись и совершали обрядъ по всѣмъ правиламъ ихъ обычая.

Дорогой нѣсколько разъ долетали до меня шопотомъ передаваемые подѣзжающимъ киргизамъ слова: «урусь дженераль» (русскій генераль). Тутъ-то я и догадался.

— Это ты произвелъ меня въ генералы?—обращаюсь я по-русски къ Орумбаю:—зачѣмъ же ты выдумываешь?

— Да я, бай, боялся, чтобы они не начали похоронъ безъ васъ,—оправдывается онъ.

И опять-таки вижу, что онъ вретъ.

Произвелъ онъ меня въ генералы, да произвелъ бы и въ генераль-фельдмаршалы, если бы зналъ о существованіи такого званія, не столько изъ желанія возвеличить меня, сколько изъ личного тщеславія и хвастовства: знай же, молъ, вы, простые смертные киргизы, какую важную особу предоставили на мое, Орумбайкино, попеченіе.

Хвастливость эта присуща почти всѣмъ служащимъ въ уѣздныхъ правленіяхъ джигитамъ, часто любезно даваемымъ начальниками уѣздовъ для сопровожденія путешественниковъ. Если бы вамъ вздумалось разубѣждать киргизовъ въ томъ, что вы вовсе не генераль, то и тутъ джигитъ не потеряется, а станетъ увѣрять киргизовъ, что вы это изъ скромности или съ другою какою-нибудь цѣлью скрываете свое званіе.

Между тѣмъ такое возвеличеніе, не говоря уже о безтактности его и даже возможности, помимо воли, прослѣть за Хлестакова, нерѣдко ставить путешественника, ѣхавшаго верхомъ по крайне утомительнымъ горнымъ доротамъ, въ ужасно непріятное положеніе: мечтаешь лишь объ одномъ, какъ бы поскорѣ закончить дневникъ, привести въ порядокъ коллекціи и завалиться спать, а тутъ изволь принимать встрѣчи и дожидаться, другой разъ даже до 12 часовъ ночи, пока сварятъ барана, зарѣзаннаго въ честь прибытія въ аулъ такой важной персоны; отказаться же отъ угощенія нельзя, иначе кровно обидишь и хозяина юрты, и весь аулъ, въ которомъ остановился, и, кромѣ того, прослывешь за круглаго невѣжду. Путешественнику же, собирающему свѣдѣнія о жизни этого чрезвычайно гостепріимнаго народа, нарушить чѣмъ-нибудь ихъ гостепріимство даже невыгодно, такъ какъ вѣсть объ этомъ съ быстротою телеграфа разнесется по окрестности, и вы не только не встрѣтите радушнаго приѣма въ слѣдующемъ аулѣ, но даже васъ не пустятъ переночевать въ юртѣ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ юртѣ, въ которой лежалъ покойникъ, все яснѣе и громче раздавались плачь и причитанія женщинъ, издали походившіе на дикій вой. Подѣхавъ къ юртѣ, я попросилъ позволенія войти въ нее.

Картина, представившаяся моимъ глазамъ, была до того оригинальна, что я искренно пожурить въ душѣ Орумбая, благодаря небрежному обращенію котораго испортился мой фотографическій аппаратъ. Ситцевой занавѣскою внутренность юрты была раздѣлена на двѣ неравныя части. Въ лѣвой отъ входа, меньшей части лежалъ на землѣ покойникъ; надъ нимъ насыпанъ былъ песчаный бугоръ, безпрестанно поливаемый водою, чтобы тѣмъ хотя бы немного предотвратить дальнѣйшее разложеніе трупа.

Въ правой, большей половинѣ юрты, на разостланныхъ кошмахъ, покрытыхъ поверхъ стегаными ватными одѣялами, всѣ въ одной позѣ, сидѣли до двадцати женщинъ, большею частью старухъ. Поза ихъ была такая: лѣвая нога поджата подъ себя, правая согнута въ колѣнѣ; на него упирается правая рука, на ладонь которой положена правая щека.

Слегка задравъ голову назадъ и покачиваясь со стороны на сторону, по временамъ испуская пронзительный дикій вопль, онѣ причитали, или, вѣрнѣе, завывали какую-то безконечно монотонную погребальную пѣсню. Женщины эти—всѣ вдовы и называются у кара-киргизовъ «іелаукеръ-хатынъ» (плакальщицы). Узнавъ о чьей-либо смерти, онѣ, по приглашенію или сами, являются въ аулъ, гдѣ находится покойникъ, и предлагаютъ свои услуги въ качествѣ плакальщицъ, за что получаютъ какой-нибудь незначительный подарокъ, вроде нѣсколькихъ аршинъ дешеваго ситца, и угощеніе. Большею же частью это безкорыстныя любительницы своего дѣла.

Въ противоположной отъ входа сторонѣ юрты на разостланномъ коврикѣ сидѣли на колѣняхъ три молодыхъ женщины: двѣ жены покойника и его сестра.

Всѣ онѣ имѣли страшный видъ: распущенные, черные, какъ смоль, волосы клочьями торчали въ разныя стороны, на макушкѣ головы они покрыты были у женъ—небольшимъ чернымъ платкомъ, у сестры—бѣлымъ. Надѣтые на этихъ женщинахъ шелковые халаты и бѣлыя рубашки были спереди разодраны до половины живота и обнажали груди. Лица и груди ихъ были испараны ногтями. Запекшаяся черными струйками кровь придавала имъ еще болѣе ужасный видъ.

Дико и бессмысленно уставивъ глаза въ пространство, покачиваются эти три женщины корпусомъ въ разныя стороны; по временамъ онѣ начинаютъ неистово царапать ногтями кожу на лицѣ и грудяхъ и издавать дикіе, нечеловѣческіе вопли. И чѣмъ больше изуродуетъ себя жена покойника, тѣмъ больше доказательства ея любви къ нему.

Нужно имѣть воловьи нервы, чтобы спокойно наблюдать эту картину.

Къ тому же зловоніе отъ лежащаго тутъ же разлагающагося трупа было до того сильно, что я не могъ пробыть въ юртѣ и пяти минутъ.

Надо сказать, что при моемъ входѣ въ юрту всѣ женщины сразу смолкли, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ съ явною враждебностью посмотрѣли на меня.

Но, успокоенныя волостнымъ, не входившимъ, однако, въ юрту, онѣ продолжали, не спуская съ меня глазъ, свои причитанія.

Изъ отдѣльныхъ словъ, которыя мнѣ удалось разобрать, можно было понять, что плакальщицы, приравнивая покойника къ богатырю, прославляли его жизненные подвиги.

Выйдя изъ юрты и усѣвшись противъ входа въ нее шагахъ въ десяти на большой связкѣ маты¹⁾, предназначенной какъ для обертыванія покойника, такъ и въ вознагражденіе муллѣ за совершеніе обряда погребенія, я попросилъ волостного приступить къ похоронамъ.

Начался обрядъ обмыванія. Обмываютъ трупъ подогрѣтою водою, затѣмъ его обтираютъ кусками маты, поступающей въ пользу обмывальщиковъ. Обмываніе производятъ бѣдняки. Отъ богатства покойнаго или его родственниковъ зависитъ число человѣкъ, совершающихъ этотъ обрядъ. Но во всякомъ случаѣ число обмывальщиковъ не бываетъ меньше трехъ и больше девяти.

Въ данномъ случаѣ шесть человѣкъ самыхъ бѣдныхъ киргизовъ, обязавъ предварительно носъ и ротъ кусками маты, чтобы тѣмъ хотя немного предохранить себя отъ зловонія разлагающагося трупа, вошли въ лѣвую половину юрты, и, раскопавъ бугоръ, покрывавшій трупъ, вынули послѣдній оттуда, и изъ нѣсколькихъ кунгановъ (мѣдныхъ и чугунныхъ кувшиновъ) вылили на него теплую воду; затѣмъ, наскоро обтеревъ трупъ, начали обертывать его матою. Обертываніе начинается съ головы, при чемъ руки покойника вытягиваются вдоль тѣла. Количество маты, употребляемой на обертываніе, одинаково какъ для богатого, такъ и для бѣднаго человѣка, а именно пять кусковъ по восьми аршинъ каждый—всего сорокъ аршинъ. Мата тщательно обертывается вокругъ тѣла, и покойникъ выглядитъ въ ней какъ запеленутый ребенокъ. Сверхъ маты тѣло Боку обернули въ новую, обшитую узорами изъ краснаго сукна, черную кошму и въ такомъ видѣ положили на внесенныя въ юрту носилки. Послѣднія дѣлаются изъ карагачеваго или другого какого-либо твердаго дерева и состоятъ изъ двухъ длинныхъ палокъ, связанныхъ тремя перемычками; къ нижней сторонѣ, въ углахъ связокъ, придѣлываются шесть короткихъ ножекъ.

Во время обмыванія и пеленанія трупа женщины находились въ юртѣ.

Противъ же входа въ нее полукругомъ усѣлись на колѣни знающіе грамоту человѣкъ десять бѣдняковъ. Настоящаго муллы,

¹⁾ Мата—бязь—простая хлопчатобумажная ткань желтоватаго цвѣта.

за неимѣніемъ его въ ближайшихъ окрестностяхъ, на похоронахъ не было, исправлялъ его должность одинъ изъ болѣе грамотныхъ киргизовъ.

Привязавъ къ поводу первой попавшейся лошади длинный новый арканъ (шерстяная веревка), мулла съ другимъ концомъ его въ рукахъ подходилъ по очереди, слѣва направо, къ каждому изъ сидѣвшихъ противъ юрты грамотныхъ киргизовъ и, сунувъ въ его руку конецъ аркана и держась самъ за него одной рукой, а другою указывая на юрту, спрашивалъ: «принимаешь ли ты на себя грѣхъ покойника въ несоблюденіи имъ пяти молитвъ?» Всѣ отвѣчали утвердительно, тѣмъ болѣе, что такое согласіе, какъ я узналъ впоследствии, ни къ чему не обязываетъ; за исполненіе же этого обряда, называемаго «дауръ», получается какой-нибудь незначительный подарокъ. Обойдя такимъ образомъ по очереди всѣхъ сидѣвшихъ противъ юрты киргизовъ, мулла, поднявъ руки къ небу, воскликнулъ: «Алла акбаръ, рахметъ кылысны!» (Богъ великъ, да помилуетъ онъ) и бросилъ арканъ въ сторону.

По окончаніи этой церемоніи всѣ участвовавшіе въ ней встали со своихъ мѣстъ и, уступивъ ихъ вышедшимъ изъ юрты женщинамъ, расположились за ними. Старшая жена Боку осталась въ юртѣ.

Какъ только женщины уѣзли, вынесли изъ юрты на носилкахъ, впередъ ногами, покойника. При этомъ поднялся такой невыносимый гвалтъ, такая суета, что человѣку непривычному стало бы даже жутко.

Женщины пришли въ сильный экстазъ и, въ порывѣ его, не только жены и родственницы, но и постороннія киргизки начали издавать дикіе крики и въ изступленіи рвать ногтями лица. Старухи-киргизки однѣ насильно сдерживаютъ руки изступленнымъ родственницамъ покойника, другія, съ чайной чашечкой въ рукахъ, обрызгиваютъ ихъ водою.

Плакальщицы повышаютъ голосъ до самыхъ высокихъ нотъ; мулла выкрикиваетъ молитву, грамотные киргизы вторятъ ему во весь голосъ. Киргизы толпою тѣснятся къ носилкамъ: каждый изъ нихъ хочетъ, притронувшись рукой до нихъ, дѣлать видъ, что желаетъ нести покойника. Голодные киргизскія собаки аккомпанируютъ шуму завываньемъ.

Остальные киргизы разбираютъ своихъ лошадей. Испуганныя шумомъ и суетою животныя горячятся и вырываются изъ рукъ. Раздаются ругательства, да такія, которыя по своему смыслу перецеколяютъ наши русскія простонародныя и ни въ какомъ случаѣ уже не подходятъ къ мѣсту дѣйствія. Но никто изъ присутствовавшихъ не возмущился ими,—очевидно, это никого не шокировало.

Наконецъ все успокаивается. Похоронная процессія направляется къ находящемуся въ верстѣ отъ юрты возвышенному мѣсту

(бугру). Впереди идетъ мулла съ грамотными киргизами, за нимъ скорымъ шагомъ несутъ покойника, за послѣднимъ верхомъ и пѣшкомъ движутся родственники и посторонніе. Всѣ женщины остаются у юрты и при окончательныхъ похоронахъ не присутствуютъ.

Взойдя на пригорокъ, ставятъ на него носилки съ покойникомъ, и мулла читаетъ напутственную молитву, называемую «дауръ-уйлантурады»¹⁾. Послѣ нея уже двигаются къ самой могилѣ.

Воспользовавшись тѣмъ, что покойника несутъ пѣшие, я сажусь на лошадь и скорѣе ѣду къ могилѣ, чтобы успѣть осмотрѣть ея устройство. Устраивается она такимъ образомъ: сначала вырывается круглая яма глубиною аршина въ полтора, а въ діаметрѣ немного болѣе; съ западной стороны ея, черезъ круглое отверстіе, не болѣе аршина ширины, вырывается вглубь и въ сторону другая яма, имѣющая высоту и ширину около двухъ аршинъ и длину, по направленію съ сѣвера на югъ, съ небольшимъ сажень. Дѣлается эта яма съ такимъ расчетомъ, чтобы слой земли надъ нею не былъ толще аршина. Вырываютъ могилу обыкновенно недалеко отъ воды и большой проѣзжей дороги. Любимыми мѣстами для погребенія служатъ древніе курганы. У нѣкоторыхъ зажиточныхъ киргизскихъ родовъ есть свои излюбленные мѣста для погребенія, нерѣдко отстоящія отъ мѣста ихъ жительства на цѣлыя сотни верстъ.

Въ такомъ случаѣ трупъ покойника или его костякъ тщательно заворачиваютъ въ нѣсколько кошмъ и, навьючивъ на верблюда и совершивъ молитву «дауръ-уйлантурады», везутъ на отдаленное кладбище.

Благодаря такому устройству могилы, земля надъ второю ямою нерѣдко обваливается. Киргизы приписываютъ это отнюдь не дурному устройству могилы, а тому, что покойникъ былъ великій грѣшникъ.

«Навѣрное,—говорятъ они,—покойникъ при жизни воровалъ, лгалъ, обижалъ бѣдныхъ, не подавалъ милостыни нищимъ, развратничалъ съ чужою женой и т. п.»

Пока я лазилъ въ могилу и осматривалъ ея устройство, подошла похоронная процессія. Покойника сняли съ носилокъ и, опять-таки впередъ ногами, сунули черезъ отверстіе въ первой ямѣ во вторую. Конному, въ которую онъ былъ завернутъ, сняли, такъ что покойникъ остался въ одномъ свивальникѣ изъ маты. Тутъ меня поразило крайне безцеремонное и небрежное обращеніе съ покойникомъ. Боковое отверстіе изъ первой ямы во вторую оказалось, по сравненію съ громадными размѣрами покойника, слишкомъ тѣснымъ, и вотъ, вмѣсто того, чтобы расширить это отвер-

¹⁾ Молитва при выходѣ изъ дома.

стіе, покойника силой стали проталкивать во вторую яму. Два киргиза, бывшіе въ ней, приняли трупъ и, уложивъ его вдоль западной стѣнки на правый бокъ, лицомъ къ западу, а головой къ сѣверу, вытѣзли изъ ямы и тщательно задѣлали боковое отверстіе во вторую яму кусками дерна и земли (камень никогда для этого не употребляется) и затѣмъ уже кетменями (туземными лопатами) засыпали первую яму. Каждый, желавшій почтить память покойника, бросалъ въ могилу комокъ земли, при чемъ къ болѣе почетнымъ киргизамъ подходили бѣдняки и, подставивъ полу халата, собирали отъ нихъ комочки земли, которые потомъ и бросали въ могилу. Въ сторонѣ отъ могилы, въ позѣ плакальщицъ, сидѣли родственники покойника.

Когда надъ могилою образовался небольшой бугоръ, мулла поднялся на него и громкимъ голосомъ спросилъ окружающихъ: «Хорошій ли человекъ былъ покойникъ?» Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали утвердительно.

Тѣмъ и закончился обрядъ погребенія, называемый «яназа». Послѣ него приступили къ поминкамъ.

III.

Лишь только успѣлъ мулла сдѣлать опросъ присутствовавшихъ о нравственныхъ качествахъ покойника и сойти съ могильной насыпи, какъ человека четыре киргизовъ, родственниковъ Боку, бросились къ валявшейся около могилы кошмѣ, снятой съ покойника, и у нихъ завязался споръ объ обладаніи ею. Мулла разрѣшилъ споръ, отдавъ кошму двумъ бѣднякамъ, укладывавшимъ трупъ въ могилу. Они тутъ же разрѣзали кошму пополамъ и, по видимому, очень довольные, положивъ ее подмышку пошли къ мѣсту байги, заражая по пути воздухъ отвратительнымъ трупнымъ смрадомъ, пропитавшимъ кошму.

Съ переходомъ киргизовъ въ русское подданство баранта и разбойничьи набѣги, вслѣдствіе строгаго преслѣдованія ихъ русскими властями, поневолѣ должны были прекратиться, а потому единственнымъ развлеченіемъ, въ которомъ киргизы могли бы выказать свое молодечество и удалъ, осталась скачка—байга. Бываетъ байга двухъ родовъ: состязательная—на призы, или же байга съ козломъ—«кокъ-буре». Въ первой главную роль играетъ выносливость и быстрота бѣга лошадей, во второй не только хорошее качество лошадей, но, главнымъ образомъ, умѣнье наѣздника держаться въ сѣдлѣ и пользоваться обстоятельствами.

Скачки устраиваются обыкновенно только въ теплое время года и хотя по киргизскому старому обычаю онѣ должны были бы устраиваться лишь на поминкахъ по покойникамъ, но обычно этотъ сталъ за послѣднее время нарушаться богачами (мана-

пами), которые, желая привлечь къ себѣ больше сторонниковъ во время выборовъ въ волостные старшины, стали пользоваться разными случаями для устройства скачекъ, напримѣръ, рожденіе сына, какая-нибудь удачная афера и т. п.

Вотъ почему, съ приближеніемъ весны, киргизы, имѣющіе у себя скакуновъ, начинаютъ ихъ заблаговременно готовить къ скачкамъ. Тренировка заключается въ томъ, что лошадь начинаютъ аккуратно кормить въ опредѣленное время и заставляютъ пробѣгать ежедневно постепенно увеличивающееся разстояніе. Такою подготовкою доводятъ лошадь до того, что она въ состояніи, безъ риска для своего здоровья, пробѣгать карьеромъ безъ отдыха до 15—20 верстъ.

Одновременно съ лошадью готовится къ скачкамъ и жокей. Жокеями служатъ наемные мальчики бѣдныхъ родителей, возрастомъ отъ 12 до 14 лѣтъ. Къ выносливости и быстрой ѣздѣ ихъ начинаютъ приучать съ семи-восьми лѣтъ, привязывая ихъ къ сѣдламъ и гоняя лошадей на кордѣ.

Стоитъ только кому-либо изъ манановъ заболѣть мало-мальски серьезно, какъ вѣсть о томъ съ быстротою телеграфа распространяется по округности. Подъ предлогомъ соболѣзнованія, владѣльцы скакуновъ начинаютъ навѣщать больного, сами же съ нетерпѣніемъ ждутъ его кончины. Въ то же время къ владѣльцамъ скакуновъ являются родители мальчиковъ-жокеевъ и предлагаютъ ихъ услуги. Нанимающій жокея заранѣе обусловливаетъ вознагражденіе, причемъ, при свидѣтеляхъ, снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за какое-либо несчастіе, могущее случиться съ мальчикомъ во время скачекъ.

Смотря по условію, родителямъ выдается отъ одной девятой до одной четверти взятаго приза. Мальчику же выдается новый халатъ и тюбетейка (головной уборъ).

Жокей, не взявшій приза, не получаетъ никакого вознагражденія.

Привыкнувъ видѣть на европейскихъ скачкахъ выхоленныхъ, красивыхъ скакуновъ, я былъ пораженъ крайне невзрачнымъ видомъ лошадей, предназначенныхъ на скачки по поводу смерти Бѣку. Небольшого роста, лохматые, съ большою неуклюжею головою, худые до того, что можно было пересчитать у нихъ всѣ ребра, онѣ произвели на меня тяжелое впечатлѣніе.

Предназначенныя къ скачкамъ лошади были своеобразно раскрашены: холки на головахъ были туго перевязаны красными лентами и торчали султанами между ушами. Грива заплетена въ множество мелкихъ косичекъ, въ которыя вплетены были лоскутки кумача и разноцвѣтнаго ситца, хвостъ выше послѣдняго сустава туго перетянутъ цвѣтнымъ ситцевымъ платкомъ.

У мальчиковъ-жокеевъ халаты одѣты были не сверху штановъ, какъ обыкновенно носятъ ихъ, а внутрь. Чтобы ихъ не растрясло

во время скачекъ, туго перевязываютъ имъ чалмою крестъ на крестъ грудь, перетягиваютъ животъ, а чтобы они не задыхались отъ быстрой ѣзды, носъ и ротъ прикрывается платкомъ.

Около жокеевъ все время вертѣлся на старой худой клячѣ старикъ киргизъ-комикъ. Кривляясь и корча уморительныя гримасы, онъ пѣлъ какіе-то веселые куплеты, аккомпанируя себѣ на кобзѣ (родъ балалайки).

Осмотрѣвъ лошадей, выѣхали мы на высокій холмъ, съ котораго верстѣ на двадцать видна была ровная прибрежная полоса озера.

Верстахъ въ 12-ти отъ холма видна была почтовая станція, откуда и должны были начаться скачки.

Выстроившись въ рядъ, по данному волостнымъ управителемъ сигналу, жокеи легкою рысью двинулись къ почтовой станціи. Часть киргизовъ отдѣлилась и поѣхала съ ними.

Большинство же осталось на холмѣ и наблюдало за поѣхавшими жокеями. Двѣнадцать верстѣ, отдѣлявшія холмъ отъ станціи, жокеи прошли въ часъ тридцать пять минутъ.

Отдохнувъ минутъ двадцать, они снова выстроились около станціи и, по сдѣланному изъ ружья выстрѣлу, помчались къ холму, на которомъ находились мы.

Волненіе среди оставшихся киргизовъ было неописуемое. Шли споры о томъ, чей скакунъ придетъ первымъ, бились о закладъ, спорили на барановъ, лошадей и на наличныя деньги. Больше всѣхъ волновался толстый волостной управитель, пустившій своего скакуна въ первый разъ.

Когда пыль отъ мчавшихся лошадей приблизилась къ намъ верстѣ на шесть, владѣльцы скакуновъ помчались имъ навстрѣчу— на подмогу, называемую киргизами—«кутерме»; заключается подмога въ томъ, что хозяинъ скакуна, подѣхавъ къ нему, схватываетъ брошенный на лету жокеемъ длинный кожаный ремень, привязанный къ уздечкѣ скакуна и, мчась впереди скакуна на свѣжей лошади, таща за ремень, взвизгивая и крича во всю глотку, подбадриваетъ тѣмъ своего скакуна. Первымъ примчался скакунъ волостного управителя, пройдя все разстояніе въ двѣнадцать верстѣ въ 19 минутъ.

Старикъ волостной, несмотря на свою тучность и преклонные года, не вытерпѣлъ и самъ помчался на подмогу. Подѣхавъ къ холму, жокеи сбросилъ съ головы тубетейку.

1-й призъ состоялъ изъ 4 кусковъ ситцу, двухъ кусковъ тикю, трехъ кусковъ бязи, двухъ—адрасу (полушелковой матеріи), 4-хъ барановъ и около тридцати рублей деньгами. 2-й на половину меньше перваго и третій — четверть перваго. Снявъ жокеевъ съ сѣделъ и накрывъ скакуновъ кошомными попонами, работники стали водить лошадей.

Волостной такъ обрадовался взятому его скакуномъ призу, что нѣхъ куски матеріи тутъ же отдалъ своему жокею, барановъ же и деньги пожертвовалъ на угощеніе народа, и тутъ начался пиръ горой. Пока приготовлялся пловъ изъ баранины, начались незамысловатыя игры киргизовъ.

На площадку, на которой на кошмахъ сидѣли почетныя лица, выѣхалъ на лошади здоровенный киргизскій парень. Упершись въ колѣно нагайкою, сталъ онъ задорно вызывать охотниковъ побороться съ нимъ. Выѣхало нѣсколько молодыхъ киргизовъ и поочередіи стали бороться съ первымъ. Борьба заключается въ томъ, чтобы ловкимъ движеніемъ сбросить сѣдока съ лошади. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ первый изъ киргизовъ, ловко ухвативъ своихъ соперниковъ одного за другимъ, за ногу, поднявъ его ногу кверху, перебрасывалъ ихъ черезъ сѣдло внизъ головой. Паденіе побѣжденных вызывало гомерическій смѣхъ у зрителей. Съ третьимъ киргизомъ борцу не такъ-то легко было справиться. Минутъ десять вертѣлись киргизы одинъ около другого, хватили другъ друга за ноги, но ничего не могли подѣлать. Наконецъ простая случайность помогла борцу одолѣть и третьяго соперника. Крѣпко выѣпившись въ ногу противника, онъ сразу и изо всей силы поднялъ ее кверху. Тонкій ремень, замѣнявшій подпругу у сѣдла, лопнулъ, и киргизъ вверхъ ногами полетѣлъ на землю и съ такой силою ударился головой о подвернувшійся камень, что лишился сознанія. Борецъ же, не обращая вниманія на соперника, вновь сталъ вызывать желающихъ боротъся. Но желающихъ уже не оказалось. Торжествующій борецъ слѣзъ съ лошади и, ставъ на колѣни передъ волостнымъ управителемъ, низко поклонился ему въ землю и отъ имени родственниковъ покойника былъ надѣленъ халатомъ изъ верблюжьяго сукна. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ удалось привести въ чувство зашибленнаго киргиза.

Вставъ на ноги и размазывая кулакомъ струившуюся изъ раны по лицу кровь, онъ подошелъ къ своей лошади и, сѣвъ на нее, выхватилъ изъ гривы пучокъ волосъ. Этимъ пучкомъ онъ потеръ сначала ушибленное на головѣ мѣсто, затѣмъ поднесъ его къ глазамъ, ушамъ и ко рту, три раза сплюнулъ на него и перебросилъ пучокъ себѣ черезъ голову. Мнѣ объяснили, что этимъ онъ заговорилъ себя отъ послѣдствій ушиба.

На мѣсто борца выступили на арену одѣтые въ одни штаны два киргиза, въ рукахъ у нихъ были легкія и печень зарѣзанныхъ барановъ. Держа легкія за горла, они по очереди начали наносить одинъ другому удары по голой спинѣ, лицу и груди до тѣхъ поръ, пока одному не удалось вырвать изъ рукъ другого внутренности барана.

Затѣмъ принесли на арену одну глубокую деревянную чашку, наполненную разбавленнымъ водою кислымъ молокомъ (катыкомъ) и другую съ насыпаннымъ до краевъ мукою.

Въ обѣ чашки набросали нѣсколько мѣдныхъ монетъ и тотчасъ же явились охотники, не притрогиваясь къ чашкамъ руками, достать губами изъ нихъ монеты. Но сдѣлать это было не такъ-то легко. Мука, забираясь въ нозъ и ротъ, заставляла непрерывно чихать. Отъ забравшагося въ ротъ и нозъ молока искатели монетъ захлебывались и позорно, вымазанные молокомъ и мукою, отступали отъ чашекъ.

Покуда возились около чашекъ, передъ ареною вырыли квадратную яму шириною по сторонамъ аршина въ полтора и глубиною почти въ аршинъ. На дно ея, ближе къ аренѣ, вбили деревянный колъ и къ нему, около самаго дна, привязали поводъ приведеннаго къ ямѣ стараго, искалѣченнаго верблюда и затѣмъ стали выкликать охотницъ отвязать верблюда. Задача заключалась въ томъ, чтобы женщина, раздѣвшись донага, ставъ на противоположный отъ арены край ямы, не сгибая колѣнъ, достала бы и развязала привязанный къ колу поводъ верблюда.

Если бы женщинѣ это удалось, то верблюдъ принадлежалъ бы ей.

Несмотря, казалось бы, на позорное фигурированіе въ костюмѣ Евы передъ толпою, охотницъ на это состязаніе явилось нѣсколько. Три изъ нихъ были худыя и тощія старухи лѣтъ около пятидесяти и двѣ сравнительно молодыя женщины.

Ставъ по очереди на край ямы и сдвинувъ плотно ноги, онѣ постепенно наклонялись впередъ, вытянувъ руки; но лишь только достигали руками до привязаннаго къ колу повода, какъ, теряя равновѣсіе, при оглушительномъ хохотѣ окружающихъ, падали вверхъ ногами въ яму. Такъ ни одной изъ женщинъ и не удалось отвязать поводъ и завладѣть верблюдомъ.

По окончаніи увеселеній, распрощавшись съ гостепріимными хозяевами, я собрался въ путь. Джигитъ мой Орумбай, вертѣвшійся до этого времени передъ глазами, вдругъ куда-то скрылся. Предполагая, что онъ поѣхалъ съ моимъ выючкомъ впередъ, я попросилъ волостного дать мнѣ кого-нибудь въ провожатые. Вызвалось нѣсколько человѣкъ желающихъ, которымъ было по пути ѣхать со мною. Дорогой разговорились о похоронныхъ обрядностяхъ, и киргизы удивились, что у насъ, православныхъ, совершаются поминки на сороковой и годовой день кончины. Тутъ я узналъ, что въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ, киргизы также хоронятъ покойниковъ въ гробахъ и что обычай этотъ перешелъ къ нимъ отъ сосѣдей-китайцевъ. Устройство нашей могилы не понравилось ѣхавшему со мной аульному старшинѣ.

— Зачѣмъ у васъ не устраиваютъ второй ямы? А вдругъ человѣкъ не умеръ, а только окружающимъ показалось, что онъ скончался? Какъ же тогда онъ выйдетъ изъ могилы?

На заявленіе мое о томъ, что у насъ хоронятъ не въ тотъ же день, какъ у киргизовъ, а лишь на третій день и смерть покойника

долженъ удостовѣрить врачъ, киргизъ очень резонно отвѣтилъ, что и врачъ человѣкъ, а потому легко можетъ ошибиться.

— А вотъ послушай, бай, какую я расскажу тебѣ настоящую исторію. Было это лѣтъ тридцать тому назадъ, былъ я еще тогда джигитомъ у славнаго батыря (богатыря) Сары-башей-Умбетъ-алы и кочевали мы тогда по Нарыну.

«Былъ у насъ одинъ человѣкъ, Кулкара Якшалыковъ. Никакою особенною болѣзнію онъ не страдалъ, а между тѣмъ день ото дня дѣлался все слабѣе и слабѣе и въ концѣ концовъ, превратившись въ настоящій скелетъ, умеръ. Похоронили мы его честь честью, справили байгу. Многіе уже разѣхались по ауламъ, остались только родственники да дальніе гости. Улеглись спать. Вдругъ ночью изъ юрты покойника, въ которой осталась его вдова, раздался страшный нечеловѣческій крикъ. Мы подумали, что не забрался ли уже въ юрту тигръ или барсъ, вскочили, какъ сумасшедшіе, и, схвативъ, что было подъ рукой изъ оружія, потихоньку стали подходить къ юртѣ покойника. А баба такъ и реветъ благимъ матомъ. Подойдя къ юртѣ шаговъ на двадцать, мы услышали еще другой выходящій изъ юрты человѣческій голосъ. Мы въ недоумѣніи остановились. По нашему закону, никто въ теченіе трехъ дней послѣ похоронъ не имѣетъ права войти въ юрту къ вдовѣ, а тутъ ясно былъ слышенъ, хотя и слабый, но мужской голосъ, убѣждавшій въ чемъ-то не перестававшую реветъ бабу. Приблизясь еще шаговъ на пять, остановились, какъ вкопанные, морозъ прошелъ у насъ по кожѣ. Въ слабомъ мужскомъ голосѣ мы ясно узнали голосъ покойнаго Кулкары Якшалыкова.

«Былъ у насъ одинъ храбрый джигитъ Ирика Давиралбаевъ, — Аллахъ да помилуетъ его, — убитъ русскими при взятіи г. Мерке. Мы и говоримъ ему: «На, возьми мултъукъ и посмотри, что тамъ дѣлается въ юртѣ». Потихоньку подкрался онъ къ юртѣ, а въ ней горѣлъ кизякъ (сушеный навозъ), приподнялъ край кошмы, заглянулъ въ юрту, да какъ вскрикнетъ: «Алла-акбаръ!» бросилъ мултъукъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ отъ юрты. Мы за нимъ. Долго не могли мы ничего добиться отъ Давиралбаева. Наконецъ, успокоившись, онъ намъ сказалъ, что, видно, злой духъ Азраилъ разсердился на насъ за то, что мы перенесли юрту покойника на другое мѣсто раньше трехъ дней послѣ его похоронъ. А не перенести ее нельзя было, такъ какъ въ день похоронъ изъ горнаго ущелья вырвался потокъ и чуть было не снесъ юрту. Такъ вотъ злой духъ Азраилъ, обозлившись на насъ за это, оборотился въ покойника и вошелъ въ юрту, чтобы наказать жену.

«Собрали мы совѣтъ и порѣшили на немъ подождать до утра, а тѣмъ временемъ поставили невдалекѣ отъ юрты караулъ и заставили муллу громко выкрикивать заклинанія противъ злого духа Азраила.

«Черезъ нѣсколько времени изъ юрты раздался снова страшный крикъ, но на этотъ разъ уже не женскій, а мужской, затѣмъ кто-то въ юртѣ долго боролся и хрипѣлъ. У насъ такъ духъ и замеръ, никто въ эту ночь въ аулѣ не спалъ. На утро, чуть только стало всходить солнце, мы всѣмъ ауломъ подошли къ юртѣ. Подняли дверной войлокъ, да такъ и ахнули. Около потухшаго костра сидѣла верхомъ на своемъ мужѣ жена покойника. Уцѣпившись обѣими руками въ шею мужа, она пригнула голову его лицомъ прямо въ костеръ, да въ такомъ положеніи и замерла. Когда мы вошли въ юрту, она хотъ бы пошевелилась, а волосы на головѣ ея стали совсѣмъ серебряными. Позвали ее по имени—не откликается, тронули за плечо—повернула голову, смотреть безсмысленными глазами и бормочетъ какую-то чепуху. Насилу разжали ей руки и освободили покойника. Лицо его и руки жены были сильно обожжены и къ запекшейся кожѣ присталъ пепелъ отъ костра.

«Пошли посмотрѣть на могилу,—могила разрыта и покойника въ ней не было.

«Послали за волостнымъ управителемъ и за старыми муллами и когда они черезъ два дня пріѣхали, собрали совѣтъ и на немъ порѣшили: покойника вновь похоронить въ его же могилѣ и договорить семь муллъ читать молитвы по покойнику на седьмой, сороковой, сотый и годовой день его смерти».

— А что же случилось съ его женой?—спросилъ я.

— Да она такъ въ себя и не приходила и осталась дуваною (сумасшедшею). Лѣтъ черезъ пять послѣ этого отправились мы на лѣтовку въ предѣлы Китая, шли со стадами по горнымъ тропинкамъ. На отдыхѣ сумасшедшая сидѣла, задумавшись, на краю глубокой пропасти, по дну которой стремился горный потокъ. Испугалась ли она чего-нибудь, или ей привидѣлось что-то, но вдругъ она вскочила, подняла руки вверхъ и съ крикомъ бросилась въ пропасть.

— Такъ вотъ, бай, какія бываютъ дѣла. На все воля Аллаха,—закончилъ аульный старшина и сталъ со мною прощаться, такъ какъ пути наши расходились.

Евгеній Ковалевъ.

